

Вячеслав Владимирович Жуков

Пуля справедливости

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2805975

Аннотация

С пятисот метров разрывной пулей в голову – и нет человека. А человек этот, Молчанов Виктор Николаевич, – загадка. Невидный из себя, потертый жизнью обыватель из Тулы, положительный со всех сторон, – кому он сто лет нужен! Не может такая посредственность возглавлять московскую фирму «Орбита-сервис», которая под план на бумаге получает кредит аж на 4 миллиона долларов наличными. Но в самом центре столицы машину инкассаторов в упор расстреливают люди в масках. Которых потом сжигают в подвале. Нет людей, нет денег – ничего нет.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	32
Глава 5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Вячеслав Жуков

Пуля справедливости

Глава 1

В суматохе уходящего дня, никто не обратил внимания на человека одетого в темно-синий спортивный костюм, неторопливо шагавшего по улице. На плече у него висела черная спортивная сумка, из которой торчала ракетка для игры в теннис. Он не вписывался в бурлящий людской поток, характерный для этого времени суток, когда люди возвращаются с работы и прежде, чем добраться до дома, попутно посещают едва ли не все попадавшиеся магазины. Он шел по краю тротуара, обходя этот поток стороной. Шел, сосредоточившись на своих мыслях, и при этом успевал делать сложные маневры, чтобы избежать столкновения со спешащим навстречу прохожим. Таких ему попадалось предостаточно. Их видно изда- лека. Наглая морда. Прет, как бульдозер, считая, что весь тротуар принадлежит только ему, и всем, кто внезапно попадают на его пути, лучше вовремя отойти в сторону. Иначе, этот бульдозер сомнет любого, затопчет, как что-то малозначительное, не достойное его внима- ния, и не остановится, не замедлит свой ход, а проследует дальше.

При виде таких наглецов, человек в спортивном костюме вежливо сворачивал в сто- рону, как бы давая понять, что он не сторонник уличных конфликтов и готов уступить. Он даже не оборачивался вослед, не посылал в спину оскорбительных слов, если кому-то из наглецов все-таки удавалось толкнуть его плечом. В таких случаях он вел себя довольно сдержанно, даже опускал глаза, чувствуя неловкость и осуждение со стороны женщин, что он, мужчина, и не может дать отпора толкнувшему его наглецу. И перед тем, как опустить глаза, они успевали заметить кротость, которой он как бы хотел показать, что в этой жизни у каждого свое строго отведенное место. Кому-то вот так намеренно толкать прохожих. А кому-то с покорностью принимать эти толчки. Себя, как видно, он относил ко вторым. Более слабый всегда уступает сильному. Так распределила природа. Это закон. Закон, которому подчинено все живое на земле, которому нельзя противостоять, если не хочешь погибнуть. А раз так, он не выказывал обиды на наглеца. Он только успевал подхватить сползшую во время столкновения сумку и опять забрасывал ее на плечо, при этом, нисколько не замед- ляя свой шаг. Казалось, его одолевало всего лишь одно желание, уйти и навсегда забыть о неприятном инциденте. Но, это только лишь казалось. Потому что на самом деле мысли этого человека были заняты совершенно другим.

Дойдя до старого шестиэтажного дома, построенного в эпоху сталинских времен, он свернул к мрачной двери, прикрывавшей крайний подъезд. При этом на лице его появилась такая улыбка, словно блудный скиталец наконец-то вернулся, решившись переступить роди- тельский порог.

В подъезде было тихо. И он не стал нарушать эту тишину. Мягко ступая кроссовками по ступенькам лестницы, быстро поднялся на самый последний этаж. Только там он на минуту остановился, осмотрелся, прислушался.

Тишина, царившая в подъезде, успокаивала. Он поправил сумку на плече, чтобы не соскакивала, и стал карабкаться по шаткой деревянной лестнице к чердачному люку.

Массивный замок, на который должен запирается люк, оказался отпертым. Стоило человеку только тронуть его, как душка замка откинулась. Чуть приподняв крышку люка, человек глянул в темноту чердака. Потом быстро открыл крышку до конца и, подтянувшись, нырнул в черное пространство, тут же поглотившее его. И сразу же крышка так же тихо легла на свое место, как будто и не открывалась.

Железо, которым была покрыта крыша старого дома, в одном месте проржавело, и там образовалась дыра величиной с кулак. Натыкаясь на всякий хлам, разбросанный по чердаку, человек подошел к этой дыре и, прислонившись лицом, посмотрел. Отсюда, с чердака шестиэтажного дома, ему была хорошо видна вся улица, но взгляд его остановился на ресторане «Камос». Потом, человек посмотрел на часы и без лишней суеты, расстегнул молнию на сумке, достав из нее тряпичный сверток. В нем лежала разобранная снайперская винтовка с массивным оптическим прицелом. Быстро собрав ее, человек просунул набалдашник глушителя в дыру и, прислонив глаз к окуляру прицела, еще раз глянул на ресторан. Его интересовала площадка перед входом, на которую заезжали машины. Владельцы роскошных иномарок, вылезали из своих авто, оставляя их под бдительное око охранника, а сами вальяжно, в сопровождении молоденьких красоток, направлялись к стеклянным дверям ресторана, где их радушно встречал рослый бородатый швейцар.

Прошло несколько минут, прежде чем на площадке появилась «Волга», двадцать четверка. Она как-то не смотрелась на общем фоне блистающих иномарок, и швейцар у дверей неодобрительно покосился на отечественную развалюху. Но это нисколько не смущало ее владельца, мужчину лет пятидесяти, в темно-сером заношенном костюме. Вообще, появление здесь старушки «Волги» и его самого, можно было расценить, как вызов всем «новым русским», посещавшим этот ресторан. Поэтому радушие с лица швейцара, как-то само собой исчезло. Увидев, как бодро направляется владелец развалюхи к дверям ресторана, швейцара так и подмывало спросить, а не ошибся ли часом этот мужичок адресочком? Ведь это не закусочная, где цены для таких как он вполне доступны, а дорогой ресторан, где за вечер ему придется выложить едва ли не половину его годовой зарплаты.

Но приученный к сдержанности и культурным манерам в общении с клиентами, швейцар заставил себя улыбнуться. Кто знает, вдруг у этого мужичка, мошна набита «зеленью». Вякни, что-нибудь не так, наживешь греха. Хотя на крутого он явно не тянет. Уж швейцару ли не разобраться. Слава богу, крутых он научился распознавать за версту. А еще он научился во всем проявлять сдержанность и осторожность. Не грубить, не хамить. Каждого входящего в заведение приветствовать если уж не традиционным приглашением, типа, добро пожаловать, то хотя бы кивком. Так было здесь заведено, и швейцар уже собирался отвести приближавшемуся к дверям мужчине легкий кивок в знак приветствия, как вдруг увидел, что тот споткнулся, зацепившись ногой за ступеньку, и завалился на левый бок. При этом голова глухо стукнулась о мраморную плиту бордюра.

Посчитав, оказание помощи упавшему человеку, своей святой обязанностью, швейцар бросился к нему, чуть приподнял за плечи и с ужасом заметил, что у того отсутствует едва ли не половина головы.

Швейцар растерянно посмотрел на кусочки человеческой плоти, разбросанной по ступенькам. Заглянул в помертвевшие глаза, и понял, что медицинская помощь тому уже не нужна.

– Вот это да, – изумленно произнес швейцар, выпуская из дрожащих рук мертвого. Отчетливо понимая, что теперь предстоят разборки с милицией, тут же положил мертвого на прежнее место, и бросился к дверям, немедленно сообщить о случившемся администратору.

После удачного выстрела, человек еще с полминуты наблюдал за всем тем, что творилось перед входом в ресторан. Видел, как вместе со швейцаром из ресторана выскочил невысокого роста толстячок с усиками. Следом выбежали двое парней, одетых в одинаковые костюмы.

Он сообразил, что эти двое – из охраны. Усатый толстячок, что-то говорил им. Один из парней достал из кармана сотовый, видно стал вызывать «скорую» и милицию. А другой наклонился, потрогал у лежащего пульс, после чего его лицо приняло разочарованный вид.

Ему нравилось наблюдать за их мельтешней. Глупцы. Они еще не могли понять, как так могло получиться, что шедший человек, вдруг упал и так сильно размозжил себе голову. Швейцар что-то объяснял всем собравшимся, жестикулируя при этом руками. И никому из этих болванов было невдомек, что в пятистах метрах от их ресторана, на чердаке старого дома, сидит виновник смерти. Сидит и насмехается над ихними усилиями оказать хоть какую-то помощь, потому что он один знает, что пуля в его винтовке была непростая. Попав в цель, она не оставила шансов выжить. На это стрелявший и рассчитывал.

Но долго себе потешаться, он не мог позволить. Терять здесь время только на то, чтобы видеть плоды своего труда, было не слишком разумно. Скоро к ресторану подъедут менты и уж они-то сумеют разобраться, что к чему. И ему лучше сейчас уйти. Он быстро разобрал винтовку, завернул ее детали в тряпку, сложил в сумку, и безошибочно ориентируясь в темноте, направился к люку. Чуть приоткрыв крышку, выглянул вниз.

В подъезде было все по-прежнему тихо. И тогда он быстро спустился. Только когда уже выходил из подъезда, вспомнил, что замок оставил там под крышей, откуда стрелял. Наверное, лучше бы было вернуть его на свое место. Но возвращаться не стал. Примета плохая.

Он, опять не торопясь, шел по улице, наслаждаясь прелестями наступившего вечера, одна из которых то, что на улице было мало людей. Не так, как днем. Никто не толкался, не наступал на пятки. И он даже почувствовал некоторую свободу. Вдохнул полную грудь воздуха, который ему теперь показался изрядно посвежевшим. Достав из кармана мобильник, набрал номер и негромко сказал:

– Это я. У меня все в порядке. Не скучай. Я уже возвращаюсь.

Он шел по тротуару, прислушиваясь к собственным шагам, и отмечая, что с некоторых пор, научился ходить бесшумно. Он не слышал своих шагов. Только видел, как легко скользит следом его тень. Торопится, чтобы не отстать. Единственное, отчего ему так и не удалось избавиться с некоторых пор в этой жизни, это от собственной тени. Она всегда рядом...

* * *

Майор Туманов стоял чуть в стороне, внимательно наблюдая за работой криминалистов. Капитан Греков осматривал машину, на которой погибший приехал к ресторану. Лейтенант Ваняшин старательно опрашивал швейцара, записывая все его показания. Охранник площадки для автомашин, ничего из своей будки не видел. Так он заявил оперативникам.

Усатый администратор с двумя охранниками ресторана стояли возле дверей. С ними уже опера поговорили. Да и надобности особой в их присутствии не было. Единственным человеком, кто мог что-либо вспомнить существенное для следствия, был швейцар. Но, прочитав его показания, Федор понял, что со всей его болтовни мало толку. Швейцар, почувствовав себя в центре внимания, больше опирается на эмоции, чем на здравый смысл и малость привирает. Он, якобы видел какую-то подозрительную машину, проезжавшую по проезжей части и она будто бы даже приостановилась, после чего хозяин «Волги» и упал. Но никакого выстрела швейцар не слышал. За это он был готов побожиться.

Между тем, осмотрев все то, что осталось от головы убитого, главный криминалист капитан Семин, авторитетно заявил:

– Стреляли разрывной пулей. Выстрел произведен в затылок. Затылочная кость вся раздроблена. От мозгов осталось вон чего, – указал он на мраморные ступеньки, на которых валялись мелкие останки окровавленной плоти совсем недавно еще помещавшейся в голове хозяина «Волги».

– Не иначе, как из автомата жажнули, – высказался швейцар. – У нас в армии из автомата вот так в одного попали. Одна пуля, а так его всего бедного разворотила... – перекрестившись, закончил он.

Грек уставился на швейцара.

– Папаша, ты, когда в армии-то служил? – спросил Грек.

– А что? – с недоумением переспросил швейцар.

– А то, – несколько сердито произнес Грек, прикидывая на глазок возраст швейцара. – Когда ты служил, небось, и автоматов-то не было.

К этому замечанию швейцар отнесся с обидой. А усатый администратор ресторана, тут же подскочил и, схватив швейцара под руку, отвел к дверям, сказав с ядовитой улыбкой:

– Куда ты суешься не в свое дело. Спорить с милиционерами собрался? Вот тут твое место, и стой. А товарищи из органов сами разберутся, что к чему.

Швейцар с недовольной гримасой, как изваяние застыл у дверей ресторана, наблюдая за действиями милиционеров. Вмешиваться со своими замечаниями он больше не решался.

– Судя по расположению тела убитого, и по предполагаемому полету пули, вполне вероятно, что выстрел в него был произведен с крыши того шестиэтажного дома, – кивнул Семин на старый кирпичный дом, находящийся метрах в пятистах от ресторана «Камос». Среди доисторических двухэтажек, предназначенных под снос, он был единственным высоким зданием, откуда было удобно стрелять. Туманов уже и сам подумал о том, что убийца воспользовался именно этой позицией. И криминалист Семин только подтвердил предположение майора. Осмотрев три подъезда, оперативники убедились, что в каждом из них, чердачные люки были заперты на увесистые навесные замки. И только в крайнем, четвертом подъезде, на люке замка не оказалось. Это сразу навело майора на мысль, что вполне вероятно убийца воспользовался именно этим люком. И дальнейший осмотр его, это подтвердил. Причем тот, кто залезил сюда, проявил халатную небрежность. Замок валялся на краю люка, но чердачный визитер даже не удосужился вставить его в проушины.

– Кажется, мы идем верным путем, – заметил Туманов, осматривая чердак и особенно ту дыру в железной крыше, через которую предполагаемый убийца мог просунуть ствол винтовки. По мнению Туманова с этой дырой убийце явно подфартило, потому что она как раз располагалась в сторону ресторана «Камос». Убийца наверняка, сразу обратил внимание на нее. И если дело действительно обстоит именно так, и стрелял он отсюда, то где-то тут должна быть и стреляная гильза. Ради нее оперативники готовы были обшарить весь чердак, но до этого дело не дошло, и поиски оказались не продолжительными. Лейтенант Ваняшин оказался самым глазастым.

– Есть. Вот она. Свеженькая. Даже порохом пахнет, – как ребенок, радуясь удаче, произнес он. Грек топтался чуть дальше, и удача его обошла.

– А ну, дай сюда. Это важная улика для экспертов, – сказал Федор, достав из кармана носовой платок. Когда Ваняшин передал ему гильзу, майор аккуратно, словно самый дорогой бриллиант, завернул ее в платок и убрал в карман пиджака.

* * *

– Саша, ну чего интересного нашел в машине убитого? – спросил Федор, когда они вернулись к месту преступления, и Грек стал осматривать «Волгу». Тот показал инструкцию по эксплуатации автомобиля ГАЗ – 24.

– Во, – сказал при этом Грек. Федор плюнул с досады. И на кой хрен Грек только прихватил ее. Иногда капитана тянет явно не туда. Забавляется разными безделушками, как дитя.

– Николаич, запись тут одна меня заинтересовала, – объяснил Грек, листая страницы инструкции и остановившись на последней.

– Что за запись? – спросил Федор, решив глянуть.

– Во, – Грек ткнул пальцем в засаленную страницу. – В пятницу, в двадцать тридцать, – сказал он.

Федор вздохнул с сожалением.

– Ну и что из этого? – спросил он, глядя в улыбающуюся физиономию Грека и не понимая повода для улыбки. Вроде, тут не до улыбок. Произошло явное убийство. Причем, нет ни единой зацепки, чтобы вот так сходу раскрыть его. Так чему же тут улыбаться? Если только собственному бессилию. Или бессилию своих товарищей.

Грек уставился в глаза старшему своими преданными глазами.

– Так сегодня же пятница, Николаич, – напомнил он.

Федор с минуту стоял молча, потом сказал:

– То есть, ты хочешь сказать, что ему сегодня назначили встречу?..

Грек вообще-то ничего не хотел сказать. Просто заинтересовала запись. Возможно, это просто совпадение. Об этом он и решил поделиться с майором. Но он не стал возражать, против одобрительного взгляда, которым наградил его майор Туманов. Пускай знает, что Сан Саныч Греков не из простачков. И тут же он решил продолжить пришедшую к нему спонтанно мысль, спросил у швейцара:

– Папаша, во сколько, ты говоришь, это все случилось тут?..

Швейцару не надо было напрягать память. Время происшедшего он хорошо запомнил, потому что только перед приездом развалюхи «Волги» машинально глянул на электронные часы, висевшие над дверями ресторана. Было ровно половина девятого. Но убийство произошло на несколько минут позже. Пока водитель припарковался, пока вылез из машины. Плюс, полторы минуты на ходьбу.

– А минут тридцать пять девятого и случилось, – отрапортовал швейцар.

Федор задумчиво хмыкнул.

– Слушай, а там случайно не записано, кто ему назначил встречу? – спросил он у Грека. На что капитан Греков разочарованно вздохнул.

– Нет, Николаич. Не записано, – сказал Грек.

– Жаль, – сказал Федор и отвернулся к криминалисту Семину, возившемуся с трупом. Может, хоть он скажет что-то такое, что наведет на стоящую мысль по поводу случившегося убийства. Но тот только пожал плечами.

– Все стоящие мысли, это по вашей части. Ну, а я что-нибудь существенное смогу сказать только после проведения более тщательной экспертизы. И не здесь, а в лаборатории, – заявил главный криминалист. Оба его помощника, приехавшие с ним в составе оперативной группы и вовсе молчали, во всем полагаясь на своего начальника капитана Семина.

– Понятно, – мрачно произнес Федор. Каждый раз при выезде на очередное убийство, больше всего его раздражала начальная стадия расследования. Редко так случалось, чтобы преступники оставляли хоть какую-то зацепку. В большинстве, такое происходило при бытовых преступлениях. Там многое просто и понятно. Поэтому бытовухой занимаются другие. А группе Туманова подкидывают то, что посложнее. Вот как сейчас. Попробуй тут угадай, за что замочили этого несчастного. Может, мужик приехал в ресторан поужинать с прелестной красоткой, а ревнивый муж отправил его на тот свет. Эта версия слишком простая. А все простое Федор привык отвергать сразу. Потому что простое, зачастую является ошибочным представлением опера. Пойдешь по этому пути, и такая заморочка получится, что потом окажешься в тупике. Когда-то так бывало не раз с самим Тумановым.

И Федор был вынужден отказаться от этой, вроде бы и подходящей мысли, по вполне обоснованной причине. В бумажнике у убитого вместе с водительскими правами лежало всего триста рублей наличными. На такие гроши не разгуляешься да еще с красоткой. Красотки любят мужичков не за внешность, а за их бумажник, набитый долларами. А у убитого

с этим, похоже, напряженка. Ни одного доллара нет. Одни наши «деревянные» да и то мелкими купюрами, на случай нарушения правила движения откупиться от гаишников. Авось, те проявят снисхождение, много не возьмут.

Подошел Ваняшин, тихонько сказал Туманову:

– Федор Николаевич, я связался по рации с дежурным управления...

Продолжая наблюдать за работой криминалиста Семина, Федор кивнул, давая понять, что при этом внимательно слушает лейтенанта.

– В общем, наши проверили его паспортные данные через центральное адресное бюро...

– Ну и чего там?

– В общем, все так, как в паспорте. Молчанов Виктор Николаевич, тысяча девятьсот пятидесятого года рождения. Уроженец города Тулы. Проживает в Москве недавно, на улице Каляева, дом – девяносто семь, квартира – семьдесят пять. Не судим. Место работы неизвестно. Семьи не имеет. Ну, вот и все, собственно, – развел руками Ваняшин.

А Федор вздохнул. И в его вздохе отчетливо слышалось разочарование.

– Да. Немного.

– Ну уж, что есть, – как бы оправдываясь, проговорил лейтенант с некоторой обидой. Хотя Туманов и не собирался ни в чем его обвинять. Просто, может, надеялся услышать от своего помощника нечто большее. Но не получилось, и в том нет его вины. Скупые данные были в адресном бюро на этого Молчанова. Лейтенант ими и воспользовался.

– Ладно, Леша. Спасибо, – как бы в утешение обиды лейтенанта, поблагодарил Федор.

– Все, что было, Федор Николаевич, – с легкой улыбкой ответил Ваняшин.

Федор кивнул, почему-то почувствовав самую настоящую скуку. Наверное, потому, что всю работу криминалистов знал на зубок. Им проще, осмотрели, сфотографировали, и можно руки умыть. Их заключение попадет на стол к оперативникам на листах бумаги в виде машинописного текста. И что бы там не говорили, но основная нагрузка, как всегда, ляжет на плечи оперов.

– Федор Николаич, – высказал молодой лейтенант предположение, – А может, это случайное убийство. Ты же сам не раз говорил, что так бывает. Целили в кого-то другого, а попали в этого мужика. Не вовремя подвернулся.

Федор на это отрицательно замотал головой, сказав при этом:

– Не тот случай, Леша, чтобы вот так в голову да разрывной пулей. Били наверняка. А потом, согласно утверждению внимательного швейцара, возле дверей ресторана на тот момент никого не было, только он и этот несчастный владелец ГАЗ – 24.

– По виду, мужичок из простых не из блатарей, – вставил Грек. Все это время он стоял рядом, мысленно прикидывая, кем был убитый при жизни. И пришел к заключению, что убитый, скорее всего, был обыкновенным инженеришкой со скромной зарплатой.

– Вряд ли, кому-то понадобилось убивать швейцара. Другое дело его, – кивнул Федор на лежащего, добавив: – Не мешало бы выяснить, что он за личность такая, что его понадобилось отправлять на тот свет разрывной пулей.

– Точно, – удачно вставил Грек. – Николаич, может, сгоняем по адресочку, где он жил, посмотрим его быт? Что там и как? – предложил усатый капитан.

Федор глянул на часы. Время было, начало двенадцатого.

– Нет. Сегодня уже поздно. Соседей тревожить придется. Да у вас уже и без того видок усталый. С утра на ногах. Давайте, завтра с утра. На свежую голову. Надо будет и с соседями побеседовать. Так что предлагаю осмотр отложить до утра.

Грек скроил безразличную физиономию и отошел. В конце концов, Туманов здесь старший. А его, Грека, дело лишь предложить. И если майор не желает слушать умных людей, то пусть поступает по-своему. Но с условием, если что, то пусть отдувается сам, раз не хочет

слушать Грека. Лично бы Сан Саныч до утра такое важное мероприятие откладывать не стал. Надо работать, как говорится, по горячим следам. А соседи, что? Повернутся потом на другой бок и опять заснут. Главное, дело сделать. Майор сам так каждый раз говорит. А тут отступает от своих принципов. И Грек знает причину. Она в Даше. Ради такой девушки Грек тоже бы отступал от правил. Только у него нет девушки, и торопиться ему, в отличие от майора, некуда.

В машине ехали молча. Ваняшин решил подвезти Федора до дома, и Грек, как хвост, увязался с ними.

– Чего мне домой торопиться, – сказал он, усаживаясь на переднее сиденье. – Это Федор Николаевич у нас сейчас приедет, к Дарье своей прислонится. А мне не к кому прислоняться.

– Завидуешь мне? – без обиды спросил Федор.

Грек не стал кривить душой. Признался:

– Завидую, Николаич. Все-таки, ты счастливый человек. Глядишь, скоро подпола получишь. И женщину красивую имеешь. А мы с Лешкой чего? Правда, Леха? – обратился Грек к Ваняшину за поддержкой. Увидев, что Ваняшин не собирается отвечать, Грек легонько толкнул его локтем в бок и спросил:

– Леха, ты чего молчишь, как пень? Язык проглотил что ли?

– А чего говорить-то? – сказал Ваняшин без зависти. – Разве от болтовни чего изменится? А женщину и ты себе найти можешь.

Грек посмотрел на молодого коллегу и насупился, словно собирался его боднуть, но ничего не сказал. Иногда Ваняшин страшно разочаровывал капитана Грека. Никакого уважения к старшим по званию. Нет бы, поддержать товарища. Хотя бы ради приличия. Но молодой лейтенант предпочитает, видите ли, отмалчиваться. Хорошая позиция. Молчуны всегда в цене. Глядишь и этот молокосос в цене будет, не то что, Сан Саныч.

– Ты, Леха, далеко пойдешь, если штаны не потеряешь, – не сдержался Грек.

– Посмотрим, – отмахнулся лейтенант от назойливого усатого капитана.

Машина остановилась возле дома, в котором жил Федор. Окно спальни как раз выходило на проезжую часть улицы. В нем светился тусклый свет настольной лампы.

Все трое глянули из машины на это окно. Ваняшин промолчал, а Грек с откровенной завистью заметил, когда Федор вылез из машины и, не спеша, пошел к подъезду:

– Мне бы такую дивчину, я бы к ней бегом бегал. А этот идет вразвалочку.

Ваняшин усмехнулся, понимая, что у Грека просто плохое настроение. Такое бывает, когда мужчина одинок. А Грек как раз одинок. Недостаток общения с женщиной, сказывается на его плохом самочувствии. Это понимает Ваняшин. И понимает майор Туманов, потому и не обижается на брюзжание усатого холостяка.

– Ну, куда тебя отвезти? – спросил Ваняшин, после того, как они остались вдвоем.

– В публичный дом, – несколько шутливо и в то же время с долей серьезности ответил Грек.

– А если серьезно? – решил все-таки уточнить Ваняшин. Грек молча уставился в окно, на безлюдную улицу. Видно, домой ему не хотелось. Это Ваняшин прочитал по его тоскливому взгляду, каким усатый капитан окидывал местные достопримечательности. К Греку вдруг пришла мысль, которой он не замедлил поделиться с лейтенантом.

– Слушай, Леха, может, поедем, прокатимся до этой улицы Каляева? – предложил вдруг Грек, и натолкнулся на вопросительный взгляд лейтенанта.

– Зачем, Сан Саныч? – Ваняшин удивился. И не скрывал своего удивления от Грека. – Сейчас, вроде ночь, – напомнил он капитану. Может, Грек забыл.

Но Грек только махнул рукой.

– Все правильно, Леха. Только, чего нам ждать до утра. Поедем, глянем. Что-то уж все подозрительно. Ведь не каждому мужику в голову лупят разрывной пулей. А, Леха? Скажешь, я не прав?

Ваняшин был вынужден признать, что Грек прав. Но с другой стороны, Туманов им сказал, наведаться на квартиру к убитому утром. Как бы из-за этой инициативы да потом пошнее не получить от майора.

– Леха, дорогой, чего нам ждать до утра? – убедительно повторил Грек, проявляя завидную настойчивость. – Думается мне, мужик этот не из простых был, – изменил вдруг капитан свое мнение об убитом. – Так вот мы поедем и глянем. И повод для ночного визита у нас самый, что ни на есть подходящий.

– Какой? – заморгал Ваняшин своими ясными глазами. Грек глянул в эти глаза и усмехнулся. Ну, как дитя, этот лейтенант. Наивен до предела.

– Леша, мы приедем сообщить родственникам убитого о трагическом событии. Понял?

– Да понять-то я понял... – Ваняшин почесал затылок. Видя, что он в замешательстве, Грек нахмурился и спросил уже без улыбки:

– Что-то не так, лейтенант?

Ваняшин достал из кармана бумажку, на которую записал сведения, полученные по рации от дежурного управления.

– Тут вот такая заковырка, Сан Саныч...

Грек нахмурился еще больше и недобро уставился на лейтенанта своими черными глазами.

– Согласно паспортным данным, убитый проживал в квартире один.

Грек даже не стал заглядывать в предложенную Ваняшиным бумажку. Сложил ее вчетверо и сунул лейтенанту обратно в тот же карман.

– Леша, все эти сведения, гроша ломанного не стоят. Формально, Молчанов проживал в квартире один. Но это только формально. Понимаешь? Я не думаю, что он дикарь из джунглей, а значит что?..

– Что? – следом повторил Ваняшин. Грек снисходительно улыбнулся молодому коллеге и спокойно продолжил:

– Вполне может статься, что он имел молодую любовницу. Квартира. Деньги. То да се, а в результате, мы имеем труп. Сечешь, о чем я?

Ваняшин кивнул. Хотя и не совсем, но он все-таки соглашался с Греком. О подобных заказных убийствах из-за жилплощади не раз приходилось слышать. И вполне возможно, что Грек прав и это как раз подобный случай.

– Секу, – признался Ваняшин. А губы усатого капитана еще больше растянулись в самодовольной улыбке. Наконец-то он, опытный капитан, просветил салагу.

– Ну вот. А ждать нам, Леша, до утра нет смысла. Работать, надо так сказать, по горячим следам. Вот сейчас приедем и возьмем ее тепленькую. Она, небось, как и наш майор надеется, что мы приедем утром. А мы прямо сейчас, ночью. Здрасьте! Мы из уголовного розыска. Не ждали. А мы – вот. – Грек ожесточенно рубанул рукой впереди себя, этим жестом подчеркивая важность сказанного.

– А от Николаича нам не влетит, за такое самоуправство? – забеспокоился Ваняшин. И его неуверенность в очередной раз огорчила Грека. С оглядкой работает, лейтенант. Но это еще не повод, чтобы Сан Саныч остановился на полпути. И Грек настойчиво произнес:

– Не бойсь. Не влетит. Майор нас еще благодарить будет. В то время, когда он со своей Дарьей обжимается, мы работаем. Раскрываем преступление.

Ваняшину ничего другого не оставалось, как под натиском доводов капитана, отбросить все сомнения. И он сдался:

– Тогда, ладно. Поехали. Спать все равно не охота, – сказал лейтенант, но при этом не заметно от Грека зевнул.

Капитан легонько хлопнул приятеля Леху по плечу.

– Все путем. Не дрейфь, салага. Держись, Сан Саныча Грека и не пропадешь, – сказал он не лишенный бахвальства. Помолчал, потом добавил: – Ты вот думаешь, наверное, почему я такой способный, а все в капитанах. Ну, скажи честно, думаешь?

Если честно, то Ваняшин ни о чем подобном и не помышлял. И Грека таким уж способным не считал. Но огорчать сейчас усатого капитана не стал. Это было бы равносильно, плюнуть ему в душу. Поэтому, лейтенант кивнул головой и коротко произнес:

– Ну?

Грек малость с обидой постучал себя рукой в грудь.

– Тебе, Леша, признаюсь, как на духу. Потому что я, не как другие, выпячиваться не люблю. В начальство не лезу. А дело свое знаю и делаю.

– Жаль, начальство только этого не замечает, – сделал Ваняшин замечание и сразу заметил, как этим не угодил Греку. Помрачнел сразу тот. Даже вздохнул. Покосился на Ваняшина. Хотел что-то сказать, но Ваняшин, посмотрев в окно, кивнул на дом с табличкой, на которой было название улицы и номер дома.

– Кажись, приехали, Сан Саныч.

Грек посмотрел в боковое окно. Машина ехала медленно, и они стали отсчитывать номера домов. Свернув на перекрестке направо, куда уходила улица, они проехали еще метров двести. Девяносто седьмой дом оказался едва ли не в самом конце улицы. Чуть заехав на тротуар, Ваняшин остановил машину и кивнул на пятиэтажный панельный дом.

– Вот он.

– Сам вижу, не слепой – небрежно бросил Грек в ответ, как бы давая, понять кто здесь старший, и лейтенанту не следует забываться. Он вылез из машины, что-то нашептывая себе под нос.

Ваняшин прислушался, но не понял ни единого слова, произнесенного Греком, и спросил:

– Ты чего шепчешь-то, Сан Саныч?

– Отстань ты, Лешка. Вот из-за тебя сбился теперь, – огрызнулся Грек. – Квартиру убитого я высчитывал. А ты сбил меня. Теперь заново считать придется.

Ваняшин ухмыльнулся.

– А чего тут высчитывать. Семьдесят пятая в последнем подъезде, на пятом этаже. Вон окно видишь? – указал Ваняшин на пятый этаж. Но Грек смотрел не туда, куда указывал лейтенант, а на него.

– Как это ты так быстро сориентировался по квартире? – в голосе Грека звучала подозрительность. Но Ваняшин тут же развеял все подозрения капитана.

– Девчонка моя живет в точно таком же доме и на пятом этаже, – сказал он.

– Надеюсь, не в этом? – с некоторой строгостью в голосе произнес Грек.

– Должен вас, товарищ капитан, разочаровать. Не в этом, – сказал Ваняшин и уставился на окно квартиры. Заметив, как сразу переменялось его лицо, Грек озабоченно спросил:

– Ты чего, Леха?

Ваняшин ответил не сразу, и пока молчал, не отводил взгляда от окна. Потом сказал, с некоторым сомнением в голосе:

– Показалось, что ли?.. Не пойму...

– Чего? – поспешил спросить Грек и тоже уставился на окна семьдесят пятой квартиры.

– Вроде свет в окне мелькнул. Как будто от карманного фонарика.

– Мелькнул? – спросил Грек. – А зеленых человечков ты там не видел?

– Да ну тебя, Грек, – отмахнулся Ваняшин от нападков капитана, который вдруг сразу как-то приуменьшил. Стоял с раскрытым ртом и таращился на окно.

– Слушай, Леха, я, кажись, тоже видал... – протянул он, не отрывая взгляда от окна. – Вроде тоже фонарик...

– А зеленых человечков там не было? – съязвил Ваняшин. Но Грек нисколько не обиделся.

– Леш, я думал ты шутишь. Понимаешь? А теперь вижу, что нет, – он вытянул руку, указывая пальцем на окно. Теперь они оба увидели, как едва заметный луч скользнул по оконному стеклу и исчез в темноте, царящей в квартире. К обоим сразу пришла одна и та же мысль, кто-то шарит по квартире. Причем, этот кто-то, явно посторонний и не зажигает свет по самой простой причине, не хочет, чтобы его заметили.

– А ну пойдем, – решительно сказал Грек и рысцой поскакал к подъезду. – Сейчас мы его голубчика...

Ваняшин догнал капитана, когда тот уже отсчитывал ступеньки на лестнице.

– погоди, Сан Саныч.

– Ну, чего тебе? – спросил Грек, не останавливаясь, а только чуть замедлив шаг.

– Я хотел узнать, чего ты собираешься делать. Может нам подождать тут, в подъезде, а когда он выйдет, заломать ему лапы?

Сейчас Грек выглядел бывалым участником подобных операций. На его лице отразилось столько зазнайства, что Ваняшин немедленно замолчал. А Грек сказал:

– И сколько ты собираешься здесь простаивать? До утра?

Ваняшин пожал плечами и признался:

– Ну, я не знаю...

А Грек тут же подхватил:

– Вот то-то и оно, что не знаешь. Эх, Леха, Леха. У тебя такой опытный наставник, – при этом Грек горделиво выпятил грудь вперед и посмотрел на Ваняшина, словно умудренный знаниями педагог на не родившего ученика, – а ты ничему не научился. Не способный ты. Да ладно, не сердчай. Вижу, как сразу нос повесил. Лучше слушай, что тебе наставник говорит. Тут ведь что главное, – ткнул он указательным пальцем вверх. – Сработать на опережение. Просекаешь, о чем я?

Ваняшин не просекал и потому промолчал. А Грек продолжил:

– Сейчас мы сделаем так. Поднимемся и позвоним в квартиру. Вернее, ты позвонишь. А я буду стоять в стороне, чтобы тот человек меня не заметил. Значит, ты звонишь, раз другой. Потом выходишь из подъезда, идешь к машине, садишься, заводишь и уезжаешь.

– А ты?... – только раскрыл рот Ваняшин, как Грек тут же своей рукой закрыл его.

– Слушай сюда, летеха, и не перебивай. Ты совсем-то не уезжаешь. Понял? Ты делаешь вид, будто уезжаешь. А сам чуть отъедешь, поставишь машину и бегом ко мне в подъезд. Тот человек после твоего звонка почувствует себя неуютно. Согласись, ночь, и вдруг звонок в дверь. Ясное дело он заволнуется и захочет поскорей уйти из чужой квартиры. И когда он выйдет, тут – то мы его и сцапаем. Понятен план. Вот это и называется, сработать на опережение.

– Толково, – одобрил Ваняшин, что особенно понравилось Греку. И усач заулыбался.

– А ты думал. У меня еще полно в запасе всяких таких штучек. Опыт, брат ты мой. Ты приглядывайся да запоминай. В работе тебе пригодится. А сейчас, пошли. Значит, ты позвонишь и уйдешь, а я останусь в подъезде.

Они поднялись на пятый этаж. Грек прислонился ухом к двери, послушал, потом зашептал Ваняшину.

– Гадом буду, кто-то там есть. Я слышал шаги. Кто-то ходит. Так что давай, Леха, звони, – сказал Грек и встал за стенку так, чтобы его было не видно в дверной глазок.

Ваняшин надавил пальцем на кнопку звонка, и тут же за дверью послышалась заливи-стая трель соловья. Грек ухмыльнулся и махнул Ваняшину рукой, чтобы тот позвонил еще. Потом обоим показалось, будто они услышали шаги. Крадущиеся, осторожные. Кто-то по-кошачьи, мягко подошел к двери и замер, прислушиваясь. Вот только открывать ее, видно, не собирался.

Заметив настойчивый взмах руки Грека, Ваняшин с не меньшей настойчивостью давил пальцем на кнопку. И «соловей» за дверью не переставая, зашелся трелью. Но потом вдруг неожиданно поперхнулся и замолчал, хотя Ваняшин все еще держал палец на кнопке звонка.

Ваняшин глянул на Грека и по губам того понял, капитан спрашивал, почему больше не слышно звонка. Загородив рукой глазок, Ваняшин постучал в дверь, а сам, пользуясь тем, что тот человек его на какое-то время не видит, наклонился к Греку и шепотом произнес тому на ухо:

– Он, наверное, провода оторвал. Чтобы соседи не слышали звонок.

Грек кивнул, что он понял, потом сделал знак рукой, чтобы Ваняшин перестал колотить в дверь и ушел. Уж слишком расстарался лейтенант. Еще немного и всех соседей разбудит. Тогда все сорвется, и человек тот может затаиться в квартире убитого Молчанова и не выйти. А вскрывать дверь прямо сейчас ночью, не входило в планы капитана Грекова.

Он облегченно вздохнул, когда Ваняшин повернулся и стал неторопливо спускаться по лестнице. Пока все шло, как было задумано. И тот в квартире, вряд ли будет торчать у двери, наверняка пойдет к окну, понаблюдать, куда проследует ночной визитер. А Грек тем временем успеет проскочить от стены на лестницу и спуститься вниз, затаившись между входными дверями подъезда. По большому счету можно было и не подниматься сюда. Пусть бы поднялся один Ваняшин и позвонил. Но как быть, если тот в квартире, вдруг откроет дверь. Ведь лейтенанту могла понадобиться помощь. Но тут же капитан поймал себя на мысли, что дело вовсе заключалось не в помощи. Ваняшин здоровый как бык и сам любого заломает. Это, пожалуй, и было основной причиной. Тот человек, мог открыть дверь и Ваняшин без особого труда скрутил бы ему руки. И вышло бы так, что Грек как будто бы трусил и остался в стороне. Хотя идея, подняться сюда, принадлежала именно ему. Поэтому, капитан не мог остаться там в подъезде. Зато, если он задержит того человека и если тот окажется убийцей Молчанова, дело может ограничиться не только одной благодарностью, но и повышением в звании. Надо только постараться. И Сан Саныч на это готов. В неплотно прикрытую дверь подъезда он увидел, как Ваняшин подошел к машине, отпер дверь, сел и завел мотор. Нисколько не сомневался, что и тот человек, притаившись у окна, наверняка, наблюдает за действиями молодого лейтенанта. А, увидев, что тот отъезжает, постарается выйти, а вот тут Сан Саныч Греков его и припечатает к стенке.

На всякий случай Грек решил проверить на месте ли служебное удостоверение. Удостоверение оказалось на месте, в кармане рубашки. А вот пистолет... Грек вспомнил, выезжая на труп, не ожидал, что события развернутся, таким образом, и посчитал излишним таскать с собой пистолет. И не взял его, помня высказывание начальника управления, что главное при задержании преступника ни пистолет, а умение оперативника обезвредить его, что называется, голыми руками. Примерно в такой ситуации сейчас и оказался Грек, услышав, как наверху, на пятом этаже открылась дверь и тут же закрылась. С минуту в подъезде было тихо. Грек почувствовал, что вся спина его покрылась липким потом, и рубашка прилипла к телу. Вдруг, тот человек вооружен. Тогда попробуй, обезвредь его голыми руками. Начальнику хорошо ценные указания да советы давать. Грек тихонечко вздохнул, услышав, почти бесшумные шаги по лестнице. Кто-то спускался. И Грек нисколько не сомневался в том, что спускается именно тот, кто находился в семьдесят пятой квартире. Он ткнулся лицом к входной двери, через щель, оглядывая часть улицы и особенно то место, где только что стояла машина Ваняшина. Лучше бы и не уезжал лейтенант. С ним было как-то спокой-

ней. А теперь Грек почувствовал, как у него защемило в груди. Переборов волнение, Грек достал из кармана авторучку. Взял ее в руку, словно это вовсе и не авторучка, а пистолет. Главное только не дать возможность тому человеку, рассмотреть, чего у Грека в руке. Пусть он чуть пройдет вперед, на полшага. Нет, лучше на шаг. А потом Грек резко выскочит и ткнет ему в спину авторучкой, той стороной, где кнопка. Пару дней назад, покупая четырехцветную ручку в киоске, еще пошутил по поводу ее утолщенного размера. А теперь, как оказалось, размерчик пришелся в самый раз В темноте можно принять за ствол пистолета.

Внизу, в подъезде было темно, поэтому разглядеть лица того человека Грек не мог. Роста он был, пожалуй, равного с Греком и телосложением вроде такой же. Так, по крайней мере, показалось самому Греку. Одет, как показалось, в спортивный костюм. На ногах – кроссовки. На голове бейсболка, козырек которой надвинут низко на глаза. Но сейчас Греку особенно некогда было его разглядывать. Надо остановить его и любой ценой продержаться до прихода Ваняшина. У Лешки пистолет на месте, в кобуре под мышкой. Вот тогда они и обыщут его. А пока Грек один, обыскивать его он не станет.

Грек все подрассчитал. Когда спешащий выйти человек оказался примерно на метр впереди Грека, капитан выскочил из-под лестницы и, ткнув того авторучкой в спину, закричал:

– Стоять, милиция! Не двигаться! Стрелять буду!

Кажется, подействовало. Тот человек замер, как статуя, не шелохнувшись, а Грекглянул в чуть приоткрытую дверь. «Ну, где же этот раздолбай, Ваняшин?» – подумал капитан. Вот и пошли такого, сам пожалеешь после. И Грек пожалел, потому что в следующее мгновение, человек стоящий перед ним, вдруг сделал резкий выпад в сторону, при этом развернулся, ударив Грека по руке, держащей авторучку, а когда та отлетела, выхватил из-под куртки пистолет и, не целясь, выстрелил.

Пуля пролетела над самой головой обезумевшего от страха капитана. Грек инстинктивно присел, ожидая второго выстрела. Но его не произошло. Человек ударил ногой по двери, и когда та раскрылась, прыгнул из подъезда на улицу.

– Ни хрена себе, – только и проговорил Грек, понемногу приходя в себя. От выстрела ему заложило уши. И вот левое, как будто понемногу стало отходить, а правым он ничего не слышал. И перепугался еще больше. Не хватало еще из-за этой сволочи глухим остаться. Вдруг перепонка лопнула.

Когда Ваняшин появился в подъезде, Грек пожаловался:

– Лешка, этот педик штопанный чуть меня не пристрелил. Я ему авторучку в спину, а он как жажнет из пистолета. Чуть в меня не попал. Теперь правым ухом ничего не слышу. Крикни мне в него чего-нибудь, – попросил Грек.

– Мудак! – что есть силы, крикнул Ваняшин в ухо капитану.

Грек почувствовал, будто у него что-то шевельнулось в ухе, и слышать он стал, как и прежде. И тут же испуг на лице сменился улыбкой.

– Спасибо тебе, Леша.

Ваняшин плюнул и вышел из подъезда, осматриваясь по сторонам. Следом вывалился Грек. Он чувствовал себя виноватым и потому молчал. Ваняшин покосился на него и протяжно вздохнул. Вот послал бог напарника. Усы у Грека от обиды зашевелились.

– Ну, знаешь что, ты тоже хорош. И нечего тут плевать, – сделал Грек лейтенанту серьезное замечание.

Ваняшин уставился на усача.

– Чего?

– Да, да. Уехал и с концами.

– Капитан, ты же мне сам велел отогнать машину. А ему из окна пятого этажа половину улицы видно. Мне пришлось, чуть ли не до перекрестка отъехать. Там машину оста-

вил и сразу к тебе. А вот ты лучше скажи, почему ствол свой не взял? Чего мы теперь Туманову скажем? Как обосрались? И все только потому, что капитан Греков решил обойтись без пистолета.

Услыхав про майора, Грек сразу загрустил. Хотел, как лучше, а получилось плохо. Вот уж воистину, путь к славе лежит через тернии. И попробуй теперь объяснить, что это все случайность. Майор скажет, что это халатность и разгильдяйство. По поводу первого, Грек готов согласиться, а по поводу второго, нет. Но лучше будет промолчать и не возражать. Вот, чем обернулась инициатива. Может, и было бы все хорошо, если б не этот Ваняшин. На молодого коллегу, капитан обиделся. Досада брала. Зачем только впутался в это дело? Забыл, что инициатива наказуема. Но ничего, не позднее, чем завтра, Греку напомнят об этом. И напомнят хорошо. Он посмотрел на часы. Было уже половина третьего. Значит, не завтра, а сегодня. «Ну, Сан Саныч, готовь задницу. Надерут тебе ее, как следует», – грустно подумал про себя Грек.

Глава 2

Федор молча поднимался по лестнице. За ним топал Ваняшин, а Греку после всего того, что пришлось выслушать в кабинете Туманова, вообще не хотелось идти с ними. В довершение всего, майор назвал его – растяпой.

– Николаич, это все Лешка виноват. Я ему сказал, чтоб отогнал машину и бегом ко мне. А он, гад, не торопился. Ну, а разве тот тип будет ждать. Он ведь мне чуть башку не снес. В миллиметрикe пуля от головы пролетела. Еще бы чуть-чуть и вы бы хоронили меня, – Грек нарочно хотел разжалобить Туманова. Пусть наорет на него. Пусть обзывает, какими хочешь словами, но лишь бы выговорешника не было. Срок подходит майора получать, а тут такое.

Грек вздохнул. Разговор происходил без Ваняшина. Но в последний момент, когда Грек попытался свалить вину на молодого лейтенанта, тот вдруг вошел в кабинет. Вот незадача получилась. Ну промолчал бы этот Ваняшин. Так нет же. Никакого уважения к старшему товарищу да еще своему непосредственному наставнику.

– Ты на меня не вали, – напустился Ваняшин на сразу приумолкшего Грека. – Лучше скажи, Николаичу, почему ты свой пистолет не взял.

При этих словах Ваняшина, Грек поморщился, как от зубной боли. Окончательно его решил добить Леха.

– Чего молчишь-то? – присоединился майор Туманов к нападкам лейтенанта и сказал: – Растяпа ты, Грек. Только языком трепаться и умеешь.

Ох, и стеганули тогда слова майора Сан Саныча по самолюбию. Ладно, ничего. Сан Саныч стерпит. Но они еще узнают, кто здесь растяпа.

Он вообще не хотел ехать с ним на осмотр квартиры убитого Молчанова. Раз они сомневаются в его способностях, пусть едут вдвоем. Но только, куда они без Сан Саныча. Перед тем, как выехать, майор заглянул в соседний кабинет, где сидел Грек и сказал:

– Ты чего расселся тут? Собирайся, поедешь с нами, – сказанное не было похоже на приглашение. Это, скорее, приказ, послушаться которого Грек не посмел.

Но у Грека тоже есть гордость. Поэтому он и топал последним.

Поднявшись на пятый этаж, майор Туманов позвонил в семьдесят четвертую квартиру. Дверь открыла женщина лет сорока. Федор достал удостоверение, показал.

– Мы из уголовного розыска. По поводу вашего соседа, – сказал Туманов. А женщина, похоже, удивилась.

– А что с соседом?

– Ваш сосед, Молчанов, убит вчера вечером.

Женщина переменилась в лице.

– Какой ужас.

С минуту Федор разглядывал ее. Довольно симпатичное лицо, хотя и с некоторыми штрихами морщин. Но фигура просто замечательная, с годами нисколько не потеряла привлекательности. Наверное, в молодости она была еще той шалуньей и свела с ума ни одного мужчину. Об этом было нетрудно догадаться, стоило лишь заглянуть ей в глаза. Свой блудливый взгляд, сорокалетняя красotka даже не пыталась прятать. Наоборот, ее взгляд как бы приглашал войти хорошенького молодого мужчину в комнату, где его ожидала уже приготовленная постель.

– Извините, я только не пойму... – сказала она, оторвав майора Туманова от отвлеченных размышлений. – А почему вы позвонили к нам? – Видно она не хотела иметь делов с милицией. Но Федор настойчиво сказал:

– Нам нужно осмотреть квартиру убитого. Вас я приглашаю в качестве понятой.

Женщина слегка закусила нижнюю губу.

– А если я откажусь?..

– Да это совсем не надолго, – встрял в разговор Ваняшин. А Грека даже передернуло. Вот выскочка, лейтенант. Всегда лезет, где не надо.

– Ну, если только не надолго, – с неохотой, все же согласилась она. А Туманов спросил:

– У вас еще дома кто есть?

– Да. Моя мама. Но мне не хотелось бы, чтобы ее беспокоили... Она старый, больной человек...

– И что, она не в состоянии, даже поприсутствовать? – немного резковато проговорил Грек.

Кажется, только сейчас сорокалетняя красавица заметила усатого капитана, не сводившего с нее глаз. Заметила, и смутилась под его пристальным взглядом, послав ему застенчивую улыбку.

– Да, конечно, – сказала она, сразу сделавшись сговорчивей, и добавила тут же: – Сейчас я ее попрошу. – Она ушла в комнату. Дверь закрывать не стала. А Грек с достоинством посмотрел сначала на Федора, потом на салагу Ваняшина. Пусть знают, как умеет убеждать людей Сан Саныч Греков. Пусть поучатся у него.

Федор скупно улыбнулся, но ничего не сказал. А салага лейтенант и вовсе отвернулся.

Приглашенная старушка, оказалась довольно шустрой. Когда представители жко вскрыли дверь, шустрая бабуся первой влетела в квартиру.

– Ну, смотрите, чего хотели, – сказала она и уселась на стул, внимательно наблюдая за тем, что собираются делать милиционеры. Ее сорокалетняя дочь встала рядом, положив руку старухе на плечо.

Квартира, в которой жил убитый, была однокомнатной и отнюдь не блистала роскошью. Диван, четыре стула, стол, тумбочка под телевизором, шкаф для посуды и гардероб для одежды. Вот и вся мебель. Тут и осматривать-то, по большому счету, особенно было нечего.

Эксперт криминалист, капитан Семин сфотографировал несколько следов от кроссовок, сорок второго размера, и развел руками, по поводу отпечатков пальцев ночного визитера.

– Отпечатков пальцев он не оставил, – сказал он, когда Федор его спросил об этом. – Видно, работал в перчатках. Сейчас все преступники умные стали.

Федор только рукой махнул. На это и стоило надеяться. Пока его помощники осматривали содержимое шкафа и гардероба, Туманов решил поговорить с обеими соседками. Хотелось, узнать, что из себя представлял при жизни этот Молчанов. Но ответ обеих женщин оказался шаблонным, как по сговору. Хотя Федор был уверен, договориться они не могли. Какой смысл? Особенно, если спрашивают о совершенно постороннем человеке.

– Да вы хоть весь подъезд обойдите, никто вам ничего толком не скажет о нем. Не общительный он был, – сказала старуха и посмотрела на свою дочь. Если что-то не так, пусть та поправит ее. Но дочь не только не возражала матери, а и во всем соглашалась с ней, кивая.

– Ну, а родственники?.. – с отдаленной надеждой спросил Федор. – Вам ничего не известно о родственниках? Может, приезжал кто-то? Гостил у него?

Старуха и дочь переглянулись.

– Знаете, он прожил в этой квартире всего ничего, и я что-то не припоминаю, чтобы к нему кто-то из родственников приезжал, – попыталась старуха напрячь память, но так и не смогла ничего существенного вспомнить. – Мы никого не видели, – покачала она головой.

– К нему и знакомые-то не ходили, – улучшив момент, проговорила дочь, при этом, глядя не на то, что делают Грек с Ваняшиным, а на Федора Туманова. Грек покосился, заметил это и тихонько вздохнул. Ваняшин усердно копался в гардеробе, в тряпках. «Вот олух», – подумал про него Грек и покосился на старуху, которая, понизив голос едва ли не до шепота, проговорила:

– Дочь моя все так говорит. К нему никто не ходил. Только сегодня... – она подвинула свой стул ближе к Федору. – Сегодня ночью я плохо спала. С тех пор, как умер мой муж, я вообще плохо сплю. Когда телевизор смотрю, когда почитаю.

– Пожалуйста, поконкретней, – попросил Федор, начиная замечать, что старуха отвлекается.

– Ну вот. Слышу, будто в дверь к соседу кто-то стучит. Я еще удивилась. Ночь ведь. Пошла поглядеть. Свет у нас на площадке плохой. Смотрю, двое стоят. Один высокий, вот как вы, стоит и колотит в дверь. А другой, поменьше ростом, за стенку спрятался...

Федор обернулся, посмотрел на Грека с Ваняшиным, но те сделали вид, будто все сказанное, их ни одним боком не касалось.

– И что же дальше было? – спросил Федор, опять повернувшись к старухе.

– А что было? Высокий постучал, ему не открыли, он сразу и ушел. А тот маленький еще остался. Видно ждал, пока откроют. Но потом убежал. А я гляжу, вдруг у соседа открывается дверь и на площадку выходит человек.

– С вещами? – подсказал Федор, но старуха отрицательно замотала головой.

– Ничего подобного. С газетой в руке.

Туманов был готов принять сказанное старухой за насмешку.

– С газетой? – на всякий случай, переспросил он. Старуха утвердительно кивнула. Потом продолжила:

– Вышел, дверь захлопнул, посмотрел вниз. А газету сложил. Я еще думала, вот сейчас бросит, паразит. Намусорит, и уйдет. Смотрю, нет, так и пошел с газетой в руке.

Федор молчал. В голове не укладывалось все, что рассказала старуха. Ну, с этими двоими понятно. Грек с Ваняшиным засветились. Старуха видела их. А не узнала только потому, что слеповата. И свет на площадке не достаточный. Но газета?..

– Чуть какая-то, – разочарованно сказал Федор, когда после осмотра, они спускались по лестнице. – Эта старушенция наговорила черт те что. Бредит, что ли на старости лет.

Грек плелся позади всех. Когда уже дошли до площадки первого этажа, он сказал, кивнув на пространство между дверями.

– Вот тут все и произошло. Я стоял под лестницей. Тот, спускался.

Федор пошарил себя по карманам, но сигарет не нашел. Оставил в кабинете. Попросил у Ваняшина. Закурил, потом сказал Греку.

– Ты хотя бы в лицо его запомнил.

Грек указал на разбитую лампочку в патроне.

– Темно было, Николаич. А потом, на голове у него бейсболка. Козырек здоровенный, половину морды прикрывает. – Грек сунул руку в боковой карман пиджака и вдруг засмеялся.

Федор с Ваняшиным посмотрели на него.

– Ты чего? – угрюмо спросил Туманов, давно привыкший к причудам приятеля капитана.

– Газета, – сказал Грек.

– Что, газета? – не понял Федор, стряхнув пепелок с сигареты себе под ноги.

– Вот, – Грек достал из кармана сложенную газету. – Когда тот тип со мной барахтался, ее из руки и выронил. Сан Саныча ведь просто так не возьмешь.

– погоди ты, – оборвал Федор Грека, не дав ему закончить хвalebную речь. Спросил: – То есть, ты хочешь сказать, что это та самая газета?

– Ну, конечно, – широко улыбаясь, ответил Грек.

– Ты, значит, ее поднял?..

– Ну, да. Думал, пригодится, – простодушно признался Грек.

– Вместо туалетной бумаги, – ухмыльнулся Ваняшин. А Грек обиделся.

– Очень умное замечание. Жаль, что я сегодня утром не воспользовался им, чего бы вы тогда делали. Газетка, ведь это, та самая.

Федор выхватил сложенную до размеров записной книжки газету, развернул. Быстро просмотрел, и на лице его появилось разочарование. Не нашел в ней майор ничего такого, что бы могло его заинтересовать. И от того стало еще больше не понятно, для чего ее нес в руках человек, который несколькими часами раньше побывал в квартире убитого. Возможно, он и есть убийца. Но вряд ли он приходил именно, за этой газетой. Наверняка, цель его прихода в другом. Только вот не понятно, какую тайну заключает в себе эта газета. Если бы она не имела значения для преступника, вряд ли бы он ее взял.

– «Криминальная хроника», – прочитал майор название газеты. – Ничего не пойму, – повертел Федор газету в руках, потом передал Ваняшину. Тот и вовсе уставился на газету так, будто впервые узнал о существовании газеты с таким названием.

Видя, что его помощники лишены всякого логического рассуждения по поводу этой газеты, Федор сложил ее и положил в свой карман. Тут она уж точно не пропадет. Не то, что у Грека. Удивление брало, как это капитан по рассеянности не выбросил ее. Хотя, еще неизвестно, какой в ней прок. Об этом не мешало бы спросить у того, кто побывал ночью в квартире убитого Молчанова. Когда-нибудь предстоит с ним познакомиться, а пока...

– Ладно. Поехали в управление, – предложил Федор, видя с каким интересом, наблюдает за ними старуха из семьдесят четвертой квартиры, свесив голову в проем между лестничных перил. Еще чего доброго свалится бабуса от своего чрезмерного любопытства. Стоило ее пожалеть.

Черная служебная «Волга» стояла на обочине тротуара возле подъезда. Ваняшин, майор Туманов и Грек сели в нее, не обратив внимания на стоящий в стороне «Жигуленок» зеленого цвета с тонированными стеклами. Он подъехал чуть позднее, чем милицейская «Волга». Бросив взгляд на синий номерной знак, водитель «Жигуленка» так и не вылез из машины. Остался сидеть за рулем, терпеливо дожидаясь, когда отъедут менты. Но даже когда они уехали, он так и не решился выйти из машины. Что-то удерживало его от этого, как казалось ему, неверного шага. Потом он увидел уборщицу подъездов, с большим мешком мусора. Она старательно подмела четыре подъезда, подошла к пятому. Мешок не потащила за собой. Взяла только совок и веник. Минут десять возилась в подъезде. Потом появилась и высыпала из совка наметенный мусор в мешок.

Сидевший за рулем зеленого «Жигуленка» человек напрягся. Сначала у него возникло желание подойти, выхватить мешок у нее из рук, и тут же высыпав на землю, просмотреть то, чего она намела в подъезде. Но тут же он поймал себя на мысли, что после такого, в глазах уборщицы будет выглядеть полным идиотом. А, кроме того, она может запомнить номер его машины. И он поборол в себе вспыхнувшее желание, наблюдая, куда она потащит мешок с мусором.

Ждать пришлось не долго. Уборщица оттащила мешок за дом, где возле кустов акации стояли мусорные контейнеры. Когда она вернулась уже с пустым мешком, человек быстро вышел из машины и торопливо направился к тем контейнерам. Он видел, в который из трех стоящих грязных металлических ящиков она высыпала мешок. Подойдя к нему, человек наклонился и принялся перебирать мусор, как заправский старьевщик.

Не прошло и нескольких минут, как из кустов густо разросшейся акации появился старик бомж с сумкой, из которой торчали горлышки пустых бутылок. Недобро глянув на конкурента, бомж заорал хриплым пропитым голосом:

– Эй, ты, фифан драный! Это моя территория. Чего ты сюда приперся? Сначала надо было у меня разрешения спросить... Не понял что ли?

Человек на секунду оторвался от своего занятия, поднял голову, посмотрел на бомжа, сплюнул в его сторону и опять уткнулся головой в контейнер, быстро перебирая высыпан-

ный уборщицей мусор. Потому, как этот наглец глянул на него, подсказало не раз битому жизнью бродяге, что с этим человеком ему не стоит связываться. Искать для себя неприятностей. И бомж, сменив грозный тон на миролюбивый, примирительно сказал:

– Ладно. Я не жадный. А посуды тут и на двоих хватит. Просто понимаешь, я ведь кормлюсь тут...

Человек закончил осмотр мусора. Распрямился. На лице было разочарование. В то время, как на лице у бомжа, удивление. Столько посуды попало, а он не взял ни одной бутылки. Чего тогда искал тут?

Стянув с рук перчатки, человек бросил их в контейнер и, повернувшись к бомжу, произнес:

– Подавись ты своей кормежкой.

И быстрым шагом пошел к стоявшей неподалеку машине. Бомж показал ему в спину кукиш.

– Вот тебе. Тоже мне, фраер. Обидчивый какой, – выкрикнул он, и от удивления у него тут же отвисла челюсть, когда человек только что копавшийся в мусорном контейнере, сел в машину и поехал. – Вот сука! – проводил его бомж завистливым взглядом. – На машине ездит, а в помойке рыщет. Как же все-таки обмелывал народ, – вздохнул он. Потом подумав, достал из кармана мобильник. Набрал номер. Услышав знакомый голос, сказал:

– Я на месте. Пока ничего такого, что заинтересовало бы тебя, не заметил. Вот только, кент тут один был. Станный какой-то. В мусорном контейнере рылся. Чего искал, не понятно. Потом сел в машину и уехал. Я на всякий случай номерок его тачки запомнил. Вдруг понадобится. Ну, в общем, я тут. Пойду, еще покручусь возле дома. Я ему сказал, что это моя территория.

* * *

Федор сидел перед телевизором на диване, но по его лицу было нетрудно догадаться, что происходящее на экране, его нисколько не интересует. И если бы даже сейчас телевизор погас, вряд ли бы он заметил это.

Даша вышла из ванной, вытирая волосы пушистым полотенцем, не пожелав воспользоваться феном. От фена, говорила она, волосы делаются ломкими. Федор не возражал против этого. В конце концов, это ее личное дело, чем сушить голову. Да и лишнее жужжание над ухом, ни к чему. И так башка раскалывается.

Даша заглянула в комнату. Заметив, что ее любимый майор сидит с задумчивым лицом, под села рядом.

– Федор, – произнесла она тихонько. – Что-то случилось? Почему ты такой?

– Какой?

– Грузенный чем-то. Сидишь, молчишь, – сказала она, забравшись на диван с ногами и прислонившись к его плечу. Сейчас она напоминала ласкового котенка, доверчиво прижавшегося к своему хозяину. Ей хотелось нежности. Легонько куснув его за мочку уха, она притворно захныкала:

– Ну, Федор. Не молчи, расскажи, что-нибудь.

Туманов скупно улыбнулся.

– А что тебе рассказать?

– Ну, например, как у тебя дела на работе? – Говоря так, Даша безошибочно определила, что как раз на работе у ее любимого не все в порядке, потому и грустный он такой и задумчивый. Жалко стало его. Старается ее майор изо всех сил, но старания его не всегда увенчаны успехом. И сейчас, видно, что-то не так. Иначе, с чего бы ему быть таким замкнутым. Сидит, и даже вроде как Дашу не замечает. А ведь она не просто так жмет к нему.

Почти неделю они уже не занимались сексом, и Даша стала ощущать тяжесть в низу живота и легкие головные боли. Федору не говорила, думала, сам догадается. А он сидит, как пень, словно отгородился ото всего мира и от нее.

– А что на работе? На работе, я работаю. Делаю то, что должен делать. Вот тут мужика одного убили. Разрывной пулей в голову. Полбашки, как не бывало.

– Кошмар, – чуть поморщилась Даша, представив ужасную картину: человека, у которого отсутствовало половина головы.

– Еще, какой кошмар, – согласился Федор. А Даша спросила:

– А почему его так?

Федор натянуто улыбнулся.

– Вот я и думаю, почему. Вроде бы обыкновенный человек, каких тысячи. Но вот почему-то взяли и убили именно его. Причем, случайность исключается. И не понятно, зачем потребовалось убивать мужика, да к тому же не богатого.

– Может, из-за квартиры? Как у него с жилищным вопросом? – спросила Даша.

– Как раз с этим у него все в порядке. Он жил в нормальной однокомнатной квартире. Просто, какая-то непонятка с ним, – вздохнув, проговорил Федор.

Даша уже поняла, что зря надеялась на секс. Кажется, сегодня заниматься любовью им не придется. Даже дома ее майор всецело поглощен работой. Она встала с дивана, подошла к зеркалу, осматривая свое лицо и заметив, что их общие с Федором заботы, нисколько не делают его краше. Наоборот. Вот уже и морщинки появились под глазами. Это нехороший признак, преждевременного старения организма. Наверное, прав был Грек, когда однажды сказал ей, что с кем поведешься... Она повелась с опером. И сколько раз ловила себя на мысли, что постепенно и мыслить начинает, как Федор.

«Чушь, какая-то. Вот загружает он мне мозги, – покосилась она на своего майора, продолжавшего сидеть все в той же позе с глубоко мысленным лицом. – Еще немного, и мне можно бросать свою работу и переходить в частные детективы. Совсем, как у Донцовой». От этой мысли она улыбнулась, а Федор не понял, к чему эта ее улыбка. Спросил подозрительно:

– Ты чего улыбаешься.

– Да так я. Не бери в голову, – сказала Даша и тут же, чтобы отвлечь его, спросила: – А вы выяснили, что за личность, этот убитый?

Федор отрицательно помотал головой.

– Нет. Он живет в Москве недавно. До этого жил и работал в Туле.

– Ну и что? – несколько строго заметила Даша. – Надо не лениться. Поехать туда и выяснить все там. Тем более, что Тула, это не на краю света. – Она опять вернулась на диван, опять присела рядом с Федором, рассматривая его лицо. – Я не узнаю вас, товарищ майор Туманов.

Федор вскинул брови, как бы этим собираясь выразить недоумение по поводу ее категоричного замечания. Но этим замечанием Дашины обвинения не закончились.

– И вообще, мне кажется, вы, майор, начинаете сдавать.

– Но, Дашка... – Федор только открыл рот, как Даша погрозила ему пальчиком.

– Никаких, «но». – Она медленно, пуговица за пуговицей, расстегнула халат.

При виде ее роскошного тела, Федор почувствовал легкое волнение.

– Мой милый, ты стал забывать о своих супружеских обязанностях. Если ты, конечно, не хочешь, чтобы я заглядывалась на чужих мужчин? – добавила Даша к своим укорам.

– Только попробуй, – пригрозил Федор, прикасаясь языком к взбухшему соску. В этой молодой женщине, ему нравилось все: ее стройные ноги, фигура, как у восточной танцовщицы, с той лишь разницей, что Дашина попка была намного больше и покруглее. Нравился ее небольшой, чуть выпуклый животик. Но особенно его возбуждали ее большие груди, каж-

дая из которых едва умещалась в двух его руках. Даже от самого легкого прикосновения к ним, чуть коричневатые соски твердели, делаясь похожими на переспелые вишни, которые так и хотелось поскорее положить в свой рот, чтобы распробовать их настоящий вкус.

И сейчас Федор не отказал себе в этом удовольствии. Сначала притронулся губами к одному, потом к другому соску, слегка прикусив каждый.

Даша заерзала голенькой попкой по ковровому покрывалу дивана. А когда Федор опустил руку к ее паху, нежно погладив по лобку, густо заросшему жестковатыми, чуть выющимися волосами, она слегка застонала, хотя как казалось Федору, он еще не сделал ничего такого. Но Дашка была особенная женщина и могла заводиться с пол-оборота.

Глянув в ее покрасневшее лицо, Федор заметил в нем легкое смущение. Черт возьми, как будто до этого они никогда не занимались любовью и это им предстоит проделать в первый раз. И это притом, что на его теле не было такой частички, с которой бы Даша не познакомилась. Что и говорить, его любимая умеет себя преподнести.

Федор положил Дашу на диван, быстро сбросил с себя рубашку и брюки с трусами. Заметил, каким возбужденным взглядом Даша наблюдала за тем, как он избавлялся от трусов, предоставив на ее обозрение то, что имелось под ними. Именно, эта часть его тела, так заставляла Дашу волноваться и бросала в дрожь.

– Федор... – произнесла Даша подрагивающим голосом, и не договорила, что хотела. Когда он приблизился слишком близко, она чуть вскинулась с дивана, прислонилась к его паху, и тут же в ее губах оказалось самое желанное на свете, что может дать мужчина женщине.

Федор застонал, поглаживая руками по ее взлохмаченным и еще не успевшим обсохнуть, волосам. Ему показалось, что все окружающее просто перестало существовать, или во всяком случае, утратило смысл. Были только он и она, его любимая Даша, дорогая женщина, без которой его жизнь не мыслима в этом мире, где люди могут прожить жизнь, так и не встретиться. А они с Дашей встретились.

Федор навис над ней, любуясь ее необыкновенно красивым в этот миг, лицом. Сейчас Даша напоминала совсем юную девочку гимназистку, которой впервые в жизни предстояло познать близость с мужчиной. Так преобразилось ее симпатичное личико. И только волнующая страсть, бесновавшаяся в глазах, подсказывала, что это совсем не так и выдавала в ней, искушенную в сексе женщину.

У нее между ног было так влажно, что Федор легко вошел в нее, едва его упругий член коснулся заветной складочки. При этом Даша задвигала бедрами, давая понять, что готова не просто лежать в ожидании удовольствия, а всячески помогать ему.

– Феденька, милый, прошу тебя... Давай же, – взмолилась она, и рот ее раскрылся в легком оскале, когда опершись на руки, Федор прижал ей ноги к грудям, которые от каждого его толчка плавно раскачивались. В какой-то момент Федору и Даше показалось, что все вокруг пришло в неистовое движение, и раскручивается в бешеном вихре. И остановилось только тогда, когда Даша зажмурилась, чтобы было не так стыдно перед любимым, вскрикнула в экстазе, почувствовав неопишное блаженство, ногами и руками прижимая Федора к себе, не давая, чтобы он продолжал.

– Не надо больше, – прошептала она. – Остановись. – На глазах у нее появились слезы. Привычка плакать во время экстаза, осталась у нее с тех самых пор, как Федор познал это милое создание. Это всегда вызывало у Федора улыбку, которую он из вежливости старался тщательно прятать, чтобы не обидеть Дашу. Да и что поделаешь, если такой ее сотворила природа. И зная, что он непременно улыбнется, Даша и закрывала глаза. Получая огромное удовольствие, не хотела при этом испытывать стыд.

Все мужчины, по своей сути – самцы. Добившись своего, их уже не влечет к самке. Хочется расслабиться, понежиться в покое.

Федор, скатившись с Даши, лег рядом, и не прошло и несколько минут, как он уже уснул.

– Эй, Туманов? – почти шепотом позвала его Даша. Но Федор не отозвался. Повернувшись на бок, Даша прижалась к нему, чувствуя, как время от времени его дыхание то учащается, то делается прерывистым, и когда ему становится совсем невмоготу, майор вдруг вздрагивает так, словно куда-то собирается бежать. Даша нисколько не сомневалась, что в этот момент Федору снится сон и, скорее всего, не совсем хороший. Даже ночью, ее майор помнит о своем милицейском долге и во снах заново переживает то, что делает повседневно на работе. И это настолько въелось в его сознание, что даже ночью нет ему покоя. Да, наверное, и не будет. Тогда Даше ничего не остается, как прижаться к нему покрепче, убаюкать нежным словом. И Федор успокоится на какое-то время, изгоняя из своих снов изнуряющие его душу события ментовской работы.

Даша знала, так повторяется едва ли не каждую ночь. Только под утро майору спится спокойно, когда вместо тревожных снов, ему снится один и тот же сон, о котором Федор не раз рассказывал ей. В этом сне, они взявшись за руки, идут по дороге навстречу рассвету. Федор говорил, что дорога, это их долгая жизнь, а рассвет, это все хорошее, что ждет их впереди. Даша верила. А утром он проснется и опять пойдет туда, где его ждут. Потому что так надо. Потому что Всевышний так распределил все роли в театре жизни. Федор немного припоздал, и ему досталась роль сыщика. Даше это не нравилось. А в понятии самого Федора, это вовсе не такая уж и плохая роль. Бывают и похуже, как не раз говорил он. Эта роль ничего ему не приносила, кроме хлопот. Ни достатка и ни уважения. Но и на это, майору было чего сказать.

– Лучше быть порядочным сыщиком, чем отпетым негодяем с достатком! – говорил ее майор.

Даша не спорила. Пусть будет так, раз так считает Федор. Но она жалела его, задаваясь вопросом, оправдано ли все то, на что он тратит свою жизнь?

Глава 3

Жора Бортенев с погонялом Топтун, был одним из агентов майора Туманова. Человек, которому давно перевалило за шестьдесят, выглядел вполне безобидным стариком, слоняющимся по улицам в поисках пустых бутылок. Никому и в голову не могло придти, что сорок лет назад Топтун был известным бандитом, от которого стонала если уж не вся Москва, то половина ее точно. Еще на нем было два убийства. Из своих шестидесяти лет, Топтун едва ли не больше половины провел в тюрьмах и зонах, но потом очутился за бортом лихой криминальной жизни. Во время последней отсидки под Пермью, где зеки валили лес, Топтуна придавило бревном. Ногу в лодыжке раздробило. Врачи, конечно, постарались, собрали кость буквально по кусочкам. Но последствия, остались на всю жизнь. Жора стал хромым.

Вернувшись после отсидки в белокаменную, он вдруг понял, что его время ушло и уже не поспевал за молодыми. Да и не нужен, он стал, хромой, со своими старыми принципами молодым авторитетам, потому, хоть и блатной он, а не вор. И не известно, что стало бы с особо опасным рецидивистом, если б не Федор Туманов. Жить-то надо как-то. И однажды пошел Топтун на воровство. Мелочевка, смешно сказать. Хотелось жрать, и Топтун позарился на палку копченой колбасы, буханку хлеба и бутылку водки. Может, и смылся бы вовремя, если б не хромота. Куда с ней денешься. Приехала вневедомка, и Топтуну сразу ласты скрутили. Водочки-то он успел откусать, а вот закусить нет. Так и отвезли задержанного в камеру голодным. Одна благодать, хоть водки напился. Греет она бывшего зека изнутри. Туманов знал Топтуна еще по прошлым делам, поэтому, зайдя к нему в камеру, был немногословен и не стал много тратить времени на вербовку. Предложил сразу:

– Если согласишься работать на меня, постараюсь тебе помочь. Договорюсь и с вневедомственной охраной, выезжавшей по сигналу тревоги и с магазинщиками, – пообещал опер.

Топтун услышав столь лестное предложение из уст Туманова, улыбнулся. Не сомневался, раз Федор обещает, то так оно все и будет. Так почему не использовать, подаренный судьбой шанс. Да и стыдно за такой пустяк обратно на зону ехать. Уважения среди зеков не будет, а вот насмешек, хоть отбавляй. Да и разве зона лучше воли? И Топтун согласился.

Беспокоил ворчливого старика, майор не часто. Лишь когда требовалось, чтобы поработал не кто-то другой, а именно он. Вот как в этот раз. Решил Федор выставить за квартирой убитого Молчанова наблюдение. Слишком уж подозрительным показалось, присутствие в квартире убитого постороннего человека. И не взято ничего. Но ведь зачем-то тот все-таки приходил. Только его спугнули. Грек с Ваняшиным спугнули. Захотел капитан Греков отличиться. Вот и отличился. Не смог задержать того человека. Но наличие у того оружия, подсказывало, что опера имеют дело не с рядовым хулиганом, который залез в квартиру, только лишь для того, чтобы очистить ее. Не похож он на квартирного воришку. Те не стреляют в ментов. Значит, человек, решившийся на такой поступок, имел куда более серьезные намерения, чем намерения простого квартирного вора. И Федор рассудил, что будет совсем не лишним, если Топтун недельку, другую покрутится там. Глаз у бывшего уголовника, не хуже, чем у иного опера. А может, и лучше. Приметит подозрительного человека сразу, по повадкам. Потому как свой, свояка узнает издалека.

Туманов ехал в машине, когда Топтун позвонил ему на сотовый и сказал, что заметил подозрительную личность. Сначала тот тип долго сидел в машине и как показалось Топтуну, наблюдал за подъездом. Даже потом, когда менты уехали, он оставался в машине. Но потом вдруг кинулся к мусорным контейнерам и стал рыться в одном из них. Вот тогда Топтун не утерпел, подошел. Хотелось поглядеть, чего тот тип там ищет. Уж явно не бутылки. К

стеклотаре он интереса не проявляет, это видно сразу. Да и лицо того человека, не внушало доверия бывшему зеку, навсегда покончившему с прошлой жизнью.

С майором они договорились встретиться на другой день, возле дома убитого Молчанова. Зная, каким замкнутым становится Топтун, когда разговор происходит не с глазу на глаз, а при свидетелях, Федор на встречу пошел один. Грек с Ваняшиным остались в машине, издали, наблюдая за кустами, растущими за мусорными контейнерами. Там майора и поджидал Топтун, усевшись на ствол выкорченного во время сильного ветра, тополя. Возле его ног стояла сумка, из которой торчали горлышки пустых бутылок, а сам же собиратель их, с деловым видом потягивал «Мальборо». Туманов не раз приходил к мысли, что Топтун не только свыкся с должностью внештатного агента, но ему даже нравилось выполнять роль частного детектива. Даже разговаривая с майором, он не переставал вести наблюдение за подъездом.

– Ну, Жора, чем порадуешь? – весело спросил Федор, заглядывая в серые чуть с прищуром глаза старика. Тот как бы с неохотой достал из кармана клочок бумажки, на котором был записан номер и марка зеленого «Жигуля».

– Вот. Пробей эту машину. Когда вы тут были, эта машина стояла в стороне. Сдается мне, майор, ее хозяин сек за вами, – негромко проговорил Жора.

– В контейнере копался он? – спросил Федор. Жора утвердительно кивнул.

– Он. Собака. Только чего искал, не понятно. Я когда подошел, он долго не задержался. Не хотел видно рыло свое показывать, – старик пюнул.

– Как выглядел, запомнил?

На лице бывшего зека появилась неприятная гримаса.

– Еще бы такого не запомнить. Взгляд, как у волка. Смотрит, аж мурашки пробирают. На что уж я, повидал на своем веку всякого, а и то смутил он меня, – признался Жора Топтун.

– Да, – усмехнулся Федор. – Хорошенький портрет, ничего не скажешь.

Жора молча докурил сигарету. Притушил ногой окуроченный. И тут же достал другую. Курильщик он был заядлый. Свое пристрастие объяснял тем, что выпадали на его душу времена, когда по долгу приходилось обходиться без курева. Зато потом, оказавшись на свободе, он не мог отказать себе в хороших сигаретах. Для него было лучше не поесть денек, другой, сэкономить деньги, зато потом отвести душу хорошей сигареткой. Туманов себе такие сигареты не покупал. Курил, что подешевле. Жора угостил его сигаретой.

– Знаешь, майор, не нравится мне все это, – вдруг сказал Топтун. Федор в его голосе услышал нечто испуга.

– Что, именно? – спросил майор, стараясь угадать, что беспокоит старика.

– Да торчать тут. Того мужика, который тут жил, говоришь, завалили из винтовки? – спросил Жора. Хотя два дня назад уже спрашивал об этом.

– Да, – сказал Туманов, приглядываясь повнимательней к старику.

– Вот видишь. Простых из винтаря не валят. Значит, непростой он был. Вы шмон в квартире сделали?..

– Осмотр, – поправил Топтуна майор. Жора с досадой сплюнул под ноги.

– Какая разница? Шмон, осмотр? Вопрос в том, что не нашли вы ни хрена ничего. А мужичка отправили на тот свет разрывной пулькой. Так ведь? Федор промолчал. Топтуну это молчание не понравилось и он сказал:

– То-то. Нечем тебе крыть? На душе у меня, майор, беспокойно. Никогда так не было, – пожаловался Топтун. Раскисал он редко. Но теперь и в самом деле в глазах была заметна тоска. Это было совсем не похоже на никогда не унывающего Жору Топтуна. И Федор спросил по этому поводу:

– Отчего так, Жора?

– А черт его знает. Сам не пойму. Только стоит у меня тот тип перед глазами. Видел я его где-то раньше, а вспомнить не могу.

– Может, чалились когда вместе? – попытался Федор освежить память Жоре. Все-таки, что ни говори, а годы брали свое. И кроме хромоты старик частенько жаловался на головные боли, от которых мучался по ночам.

– Может, и было когда. Но точно не вспомню. Только где-то я его харю видел. А ты вот чего, майор. Дозволь мне уйти отсюда? – попросил вдруг Жора.

Размышляя над всем тем, о чем только что говорил Топтун, Федор сказал:

– Чего ты, Жора? Смотри, какая красота вокруг. Тепло. Солнце припекает. Сиди, на бревнышке, загорай, да за подъездом поглядывай. А, Жора? – Туманов не стал настаивать, всего лишь попытался уговорить бывшего зека. Но, как оказалось, безуспешно. Жора упрямо замотал головой.

– Извини, майор. Не здоровится мне что-то, – соврал Топтун, тут же стыдливо отводя глаза в сторону.

Федор понял, что убедить ему своего агента на этот раз не удастся, встал с бревна. Понял, что насчет здоровья Топтун явно привирает. Старик хоть и хромой, но здоровьечко у него еще то. Окинув Жору насмешливым взглядом, сказал:

– Ну, если не здоровится, тогда другое дело. Но сегодня уж денек покрутись тут. Лады?

– Лады, – ответил Топтун, протягивая майору руку. Когда Туманов ушел, Жора, щурясь от яркого солнца, мечтательно посмотрел в голубое небо, на котором не было ни единого облачка. Ни кому, никогда не говорил о своей мечте. Хотелось бывшему зеку купить где-нибудь в тихой деревеньке небольшой дом, поселиться в нем и спокойно дожить свою жизнь. Но, как часто бывает, мечте не дано осуществиться по вполне банальной причине. Не было у бывшего зека денег на покупку дома. И мечта, оставалась мечтой. С ней Жора ложился спать, с ней и просыпался в маленькой комнатухе. Вся его молодость была буйная, а под конец захотелось спокойствия.

Он не сразу услышал шаги за спиной. С ленцой человека, потревоженного во время возвышенных раздумий, обернулся и почувствовал, как по спине побежал холодок. Перед ним стоял тот тип, которого он видел у контейнера. Он смотрел на Жору холодными глазами. И Топтун почувствовал, как все то, о чем он только что думал, удаляется, а на смену мечте приходит зловещая пустота, от которой начинает ныть сердце. Страшный человек. Но все-таки бывший зек не собирался перед ним стелиться, поэтому несколько грубовато проговорил:

– Тебе чего? Опять в мусорном баке решил покопаться?

Человек улыбнулся. А Топтуну показалось, что волчья морда оскалилась и сейчас хватанет его. Даже чуть отодвинулся.

– Нет, бомжара. В мусорном баке копайся ты.

Топтун облизал сухие губы, которыми держал окурок сигареты. Покосился по сторонам. Зря пообещал майору покрутиться тут до вечера. Надо было уйти. И как назло ни одного человека поблизости. Место тут такое, что вроде и дом вот рядом, но никто сюда не заходит. Разве что кто собаку выгулять, или мусорное ведро опустошить. Но видать и в том и в другом, никому нет надобности. И Жора загрустил. Пожалел, что не взял с собой финку. Если что, можно было вогнать ее этому под ребра. А кулаками махать уже возраст не тот.

– С каких это пор, бомжы стали курить «Мальборо», а? Сдается мне, ты не простой бомж, – усмехнулся человек.

– А тебе-то, что за печаль обо мне? – огрызнулся Жора Топтун, напрягая память. Ведь видел же где-то этого престранного типа. Но где? Где это могло быть? Старее Жора, потому и с памятью у него не все в порядке.

А тот тип взял да и подсел рядом.

– Есть у меня о тебе печаль, – сказал он. А Жора криво улыбнулся.

– Запечалился волк об овце, а потом взял да и съел ее.

Казалось, тот человек пропустил колкое замечание Жоры мимо ушей.

– Скажи-ка мне бомжара, хренов, ты ведь здесь не просто так? Кого ты тут пасешь? – довольно грубо спросил тип, сверля Жору своим взглядом.

– А кого я могу тут пасти. Тут баранов нету. Если только ты... – Жора не договорил, по причине того, что тут же получил удар в лицо. А не упал с бревна только потому, что тот тип придержал его левой рукой за ворот рубашки.

– Ах ты, гнида! – выдохнул Жора, чувствуя во рту солоноватый привкус крови. Чуть привстав, Топтун схватил рукой своего обидчика за ворот белой футболки, поверх которой у того, не смотря на жару, была одета спортивная куртка, рванул его. Футболка разорвалась, и Жора увидел на левой стороне груди у того выколотую розу. Только внимательно взглядевшись в нее, можно было увидеть в цветке красивое женское лицо.

Лицо у Топтуна сразу сделалось бледным.

– А, а, – указал он на выколотую розу, так толком и не успев ничего произнести, как присевший рядом тип зашипел на него.

– Заткнись, сука! – Он сунул руку за спину и достал из-за пояса пистолет с намернутым на ствол глушителем. Поднес ствол Топтуну к горлу.

– Ты думаешь, я поверю, что у обыкновенного простого бомжа, имеется сотовый телефон? – зло усмехнулся он, придерживая левой рукой Топтуна за ворот рубахи, чтобы тот не свалился на землю. – Кому ты, сука, вчера звонил, после того, как я уехал? Говори, спидозная тварь. Иначе, пристрелю.

Дико вытаращив глаза, Топтун как заводной замотал головой. Но тип с пистолетом в руке тут же остановил его.

– Не ври мне. Я видел, потому что никуда не уезжал. Я только отъехал для вида. А ты, падла, и купился. А потом, я вернулся и наблюдал за тобой. Но ты меня не видел. А сегодня?.. С кем ты только что базарил тут? Продался, сволочь. С ментами снюхался?

– Я... – начал, было, Жора, но тут же осекся.

– Ты, крыса барачная. Я видел, как этот мент приехал сюда на черной «Волге». Машину оставил вон там, – повел тип пистолетом в сторону, указав, где стояла «Волга». – В ней еще сидели двое ментов. Что важная фигура, этот мент, да? Ты на него пашешь, да? – он ударил Топтуна рукоятью пистолета по голове. И тот сморщился от боли. Потом поднял голову, посмотрел в лицо обидчику. Скинуть бы годков двадцать, тогда бы был другой разговор. И уж себя в обиду Жора точно бы не дал.

– Я узнал тебя. Это ты тогда замочил Карася. Ты!

Следующий удар опрокинул Топтуна на землю. На этот раз тип не стал придерживать его. Кажется, наоборот хотел, чтобы Топтун упал. И когда тот оказался на земле, встал с бревна и несколько раз ударил Жору ногой в живот.

– Тебе, крыса, это вовсе необязательно помнить. Но раз уж вспомнил, тем хуже для тебя. Но меня сейчас интересует тот мент. Кто он такой?

Скрючившись от боли, Топтун чуть приподнял голову.

– Пошел бы ты...

Тип с пистолетом оскалился в хищной улыбке.

– Ладно. Посмотрим, что ты скажешь на это, – проговорил он, ткнул ствол в правое плечо Жоры.

Раздался негромкий хлопок, и тут же Жора взвыл от боли. А тип усмехнувшись, легонько придавил ему кроссовкою рот.

– Я повторяю свой вопрос. Кто он, тот мент? Ну? – он навел ствол на другое плечо, но Жора взмолился:

– Не надо. Не стреляй. Я скажу. Это майор Туманов.

– Майор Туманов, – немного задумчиво повторил тип, потом оживленно сказал: – Вот видишь, крыса барачная, я оказался прав, ты работаешь на ментов. И что тебе поручил майор Туманов? Говори, не тяни время!

– Он... он поручил мне следить за квартирой убитого. Он жил тут, в этом доме... А потом его убили, – Кажется, Жора не сомневался, чья это работа.

Тип от восторга просто расплылся в улыбке.

– Вот видишь, как все, оказывается, не сложно восстановить в памяти, когда у тебя в руках есть это, – он показал пистолет, от которого теперь Топтун не отводил глаз. Никогда не думал, что умирать так страшно. И заплакав, Топтун попросил:

– Не убивай меня. Пожалуйста. Я боюсь умирать.

В ответ он увидел ядовитую усмешку.

– Даже и не знаю, как быть. Ты, гнида старая, ведь настучишь про меня этому майору Туманову?..

Топтун замотал головой.

– Нет, нет. Не настучу. Слово даю, – не поспешил Топтун на обещания.

Не обращая внимания на его заверения, тип продолжил:

– А потом, ты вспомнил про Карася. А это помнить тебе совсем не обязательно. – С этими словами, он наставил ствол в лоб Топтуну. Видя, что сейчас умрет, Жора вытянул вперед левую руку, заслоняясь ладонью от пули. Но кусочек металла легко пронзил ладонь. И на лбу у бывшего зека тут же вспыхнуло маленькое кровавое пятнышко.

Осмотревшись по сторонам, человек спрятал пистолет под куртку, и как ни в чем не бывало, пошел по густо заросшей травой тропинке в противоположную от дома сторону. Там на соседней улице, он оставил свою зеленую четырехколесную старушку.

* * *

Федор сидел за столом, по обыкновению отковыривая щепочки от крышки стола. Лейтенант Ваняшин разместился на широком подоконнике и таращился в окно, на часть улицы, среди всех прохожих отыскивая молоденьких красоток в коротких юбочках. А капитан Грек, выпив бутылку пива, развалился на стуле с самодовольным лицом, поглаживая живот, словно отыскивая в нем местечко, куда бы можно было влить еще одну бутылочку любимого напитка. Заметив, что майор задумался и машинально ковыряет крышку стола, Грек с минуту молча наблюдал за ним, потом не выдержал:

– Николаич, ты скоро так весь стол расковыряешь. Между прочим, казенное имущество.

Федор убрал руку и сказал:

– Спасибо, что напомнил.

– Пожалуйста, – хихикнул Грек. Туманов посмотрел на него недовольным взглядом.

– Я вот только не пойму, чему ты радуешься. Неприятности сыплются, как из ведра, а он радуется. У нас – труп Молчанова, а пока нет ни одной зацепки. Агента Бортенева потеряли. Между прочим, неплохого агента. А он сидит, радуется. Лучше бы уж вон, как Ваняшин, – Федор кивнул на молодого лейтенанта, – сидел да баб разглядывал в окошке, чем лыбиться мне в лицо.

– Николаич, я ведь так, чтоб скучно не было. Сидим, как на поминках. Тоска, слезу прошибает, – проговорил Грек, на что тут же получил ответ майора.

– А ты, вообще-то здесь, не за тем, чтобы тосковать. Хочу вам обоим напомнить, что тут розыск. Тут, вообще-то, преступления раскрывают. А вы сидите с отвлеченными мыслями.

О работе надо думать, – Туманов хотел показать, какой он строгий руководитель, только это не подействовало на его помощников. Они оба давно привыкли к своему старшему.

Услышав замечание в свой адрес, лейтенант Ваняшин прыгнул с подоконника, сел на стул рядом с Греком, и оба, как по команде, они уставились на майора Туманова. Смотрят, черти, даже не моргнув. И Федор не выдержал.

– Клоуны вы. Ну ладно, этот еще молодой, – кивнул майор на Лешку Ваняшина. – А ты? Тоже решил ваньку повалить?

– А что я? – обиделся Грек. Но Туманов только махнул рукой.

– Ладно, хватит комедию устраивать. Давайте, лучше подумаем, что нам делать.

– Давайте, – охотно согласился Грек и подвинул свой стул ближе к столу.

– А чего тут думать, надо постараться, выяснить, кто же все-таки убит возле ресторана «Камос». По той скудной информации, которой мы располагаем, нам пока это выяснить не удастся. Человек приехал в Москву из Тулы. Поселился здесь. Родственников не имеет. Никто, ничего толком о нем сказать не может. Участковый с ним не знаком. В местном жеке о нем тоже ничего сказать не могут. Значит, что? – проговорил Ваняшин, до конца не обозначив свою мысль. Федор Туманов уже и сам не раз задумывался о том, о чем сейчас не договорил Лешка Ваняшин.

– Значит, надо ехать в Тулу, – продолжил он за лейтенанта.

– Правильно мыслите, товарищ майор. Ехать и там выяснить личность убитого Молчанова, а заодно и круг его знакомых. Может, убийца оттуда.

Грек сразу же принял деятельное участие в разговоре.

– Лешка прав. Надо выяснить, кто же он такой, – запальчиво сказал Грек.

Все помолчали. Потом Туманов сказал:

– Ну что же. Раз других предложений никаких нет, значит, пока придется действовать старым, но как мне кажется, верным способом.

– Методом, тыка, – пошутил Грек. Шутка была рассчитана на всех, но улыбнулся только один Ваняшин. Майор Туманов серьезно посмотрел на Грека и заметил:

– Ты почти угадал. Надо размножить фотографии этого Молчанова и разослать их по всем районным отделениям. Пока Москвы. Не будет результатов, пошлем в область.

Ваняшин промолчал. А Грек насупившись, спросил:

– Николаич, а где мы возьмем его фотографию?

Федор достал из ящика стола паспорт, раскрыл его перед самым носом Грека.

– Вот отсюда и возьмешь. На, занимайся, – положил он паспорт перед капитаном.

Топая с Ваняшиным по коридору, Грек с недовольством бурчал:

– Видал, меня, опытного сыщика, фотографии рассылать послал. А я отказываться не буду. Сан Саныч не из таких. Он никакой работы не боится. И если уж за что берется, то будь спокоен, сделает на все сто. Потому что он такой человек. Ответственный. – В голосе Грека слышалась обида.

Ваняшин шел молча, не задавая Греку никаких вопросов, чувствовал, у капитана настал тот момент, когда ему необходимо выговориться.

– Вот ты спроси меня, почему майор сердит на меня?

– Отстань. Не знаю я, – буркнул Ваняшин. Но Грек настоял.

– Нет, ты спроси.

– Ну, почему? – уступил Ваняшин. – Наверное, потому, что ты упустил того ночного визитера в квартире Молчанова.

Грек расплылся в улыбке и отрицательно замотал головой.

– Ничего подобного, друг ты мой дорогой. Просто он завидует мне, – вдруг бухнул Грек. И Ваняшин услышав такое, сразу остановился.

– Николаич, тебе?

– Николаич, мне, – с долей бахвальства, проговорил Грек. – Потому что знает. Как сыщик, я лучше его.

Услыхав это, Ваняшин рассмеялся, чем обратил на себя внимание снующих по коридору сотрудников управления. И видя то, что на них обращают внимание, Грек с обидой сказал:

– Ты зря ржешь, как жеребец. Если я тебе говорю, то так оно и есть. – И повернувшись, быстро пошел по коридору. Чего разговаривать с человеком, который не верит тебе. Примерно так рассудил Сан Саныч Греков, удаляясь от молодого лейтенанта, посылавшего ему в спину насмешливый взгляд.

В конце коридора, возле технического отдела, стоял главный криминалист капитан Семин. Когда Грек подошел, Семин посмотрев на него, спросил:

– Чем ты так своего напарника насмешил?

Грек обернулся, хмуро посмотрел на Ваняшина.

– А ему муха в рот залетела. Вот и щикотит в кишках, вылезти не может. Сейчас ржет, потом гляди, в туалет побежит, – сказал Грек, помня, что перед этим, лейтенант предлагал ему зайти туда, перекурить. Теперь Ваняшин зашел туда один, а Грек, обернувшись к Семину, сказал:

– Ну, что я говорил. Видал, куда он пошел?

Семин был, серьезный мужик, шутки не уважал. Но тут улыбнулся. Стоял с раскрытым ртом. Грек посмотрел на него.

– Рот закрой. А то и тебе залетит, – сказал он с недовольством и скрылся за дверью технического отдела, где находилась фотомножительная техника.

Глава 4

Сидя в вагоне электрички, увозивший его в Тулу, Федор мысленно представил, во что бы обошлись ему подобные поездки, если бы умные головы, заседавшие в правительстве, ко всем прочим отмененным льготам, еще отменили и льготу на проезд. Тогда бы все его майорское жалование улетало на разъезды. К тому же, хлопот сколько. Жди потом, когда эти деньги вернутся к тебе. Кто больше всех орал о социальной справедливости, они не в накладе. В накладе те, кого коснулось, это постановление. Простые менты, как он.

Через какое-то время Туманов задремал под равномерное покачивание вагона, и возможно, проспал бы до самой Тулы, если б не контролеры. Высокий мужчина в форме работника железной дороги, тронул Туманова за плечо и произнес заученную фразу, которую он повторял изо дня в день:

– Гражданин, ваш билетик?

Федор открыл глаза. Увидев стоящего в ожидании билета контролера, сунул руку в карман пиджака и достал оттуда служебное удостоверение. Показал.

Неизвестно, за кого принял его вначале контролер, но при виде раскрытой ментовской ксивы, на лице контролера появилось такое разочарование, что Федору захотелось спрятать удостоверение подальше, а в его натруженную руку незамедлительно вложить червонец. Но вспомнив, что этих самых червонцев в его бумажнике не так уж и много, майор удержался от благотворительности, а контролер развернувшись, перешел к следующим двум рядам сидений.

По другую сторону от него ловко орудовала женщина, толстушка с красным лицом, одетая в точно такую же форму.

Федор попытался задремать, но не смог. Мешали разговоры пассажиров, дребезжание оконного стекла и даже то покачивание вагона, которое вначале пути убаюкивало его, теперь только мешало. Отъехав подальше от Москвы, где расстояние между остановками было больше, электричка шла с большей скоростью. Вагон раскачивался из стороны в сторону, и Федор то и дело ударялся головой в стекло, которое при этом дребезжало еще сильнее. Утратив всякую надежду спокойно заснуть, майор открыл глаза и увидел впереди за четыре сиденья от него, сидящих двоих парней и девушку. Один из парней сидел к нему спиной. Федор не видел его лица. Но зато другой парень, сидевший рядом с белокурой симпатюлей, смотрел на него. Причем, смотрел не так, как обычно один пассажир пялится на другого своего случайного попутчика. Взгляд был сконцентрирован именно на изучении Туманова. Цепкий, внимательный и нагловатый. Он как бы пытался через глаза майора, заглянуть в его душу и узнать, что у него там. И взгляд этот Туманову не понравился. По своему опыту оперативно розыскной работы, Федор знал, так смотрит на свою жертву киллер, прежде чем выстрелить. Но тут же он поймал себя на мысли, что то, о чем он подумал, чушь. А парень, возможно, готовит себя в гипнотизеры, и решил потренироваться на нем. И Федор, не что иное, как его первый опыт. Правда, не совсем удачный. Потому что майор и сам обладал сильным взглядом, от которого некоторым посетителям его кабинета, избалованным в совершении преступления, становилось просто дурно. Поэтому в переглядки они играли с парнем недолго. Тот не выдержал и отвел глаза в сторону. А Федор улыбнулся. Засранец будет знать свое место.

Туманов посмотрел на блондинку сидевшую с нагловатым парнем. Девушка сидела и не вступала ни с одним из парней в разговоры, более того, упорно делала вид, что ни того, ни другого, не знает. И на первый взгляд могло показаться, что оказалась она рядом с ними случайно. Попалось свободное местечко, вот и села. Не стоять же в проходе. Но это только на первый взгляд да еще неопытному человеку. Чутье сыщика подсказывало Туманову, что это

милое создание и те два парня из одной компашки. Хотя милое создание смотрело на Федора совсем не так злобливо, как нагловатый парень, а скорей, с чисто женским интересом. С таким откровением может смотреть скромница на приглянувшегося ей опытного развратника, которому бы она хотела не только отдаться, но и раскрыть все свои девичьи секреты.

Заметив, что Федор с интересом разглядывает ее, она смущенно отвела глазки к окну, делая вид, будто интересуется мелькавшими пейзажами. На ее белых щеках даже вспыхнул едва заметный румянец. А Федор устыдился в том, что заставил скромную девушку покраснеть.

Обычно при поездках в электричках, Федор не имел привычку выходить в тамбур, перекурить. Но в этот раз изменил привычке. Едва электричка отъехала от платформы очередной остановки, Туманов встал, попросив рядом сидевшую толстушку с корзиной, попридержать место, если кто-то вдруг позарится занять его за время перекура. Получив согласие толстушки, двинулся в тамбур. Проходя мимо купе, в котором сидели парни и блондинка, заметил легкое оживление со стороны парней. Девушка, как сидела, повернувшись к окну, так и продолжала сидеть. Казалось, она вовсе утратила к высокому мужчине всякий интерес. А вот парни, наоборот.

Но Федор глянул не на парней. Глянул на приглянувшуюся девушку и вышел, плотно прикрыв стеклянные двери, отделявшие вагон от тамбура. Достав из пачки сигарету, он закурил.

Часть стекла в одной из дверей оказалось выбитой и поток воздуха врывался в тамбур, вытесняя из него устоявшуюся жуткую вонь. И Федор уже пожалел, что вышел именно в этот тамбур. Надо было идти в другой. Тот и поближе был и со стеклами там все в порядке, не то, что тут. Просто захотелось пройти мимо симпатяги блондинки. Ну вот, теперь стой и дыши, майор.

Быстро, в несколько глубоких затяжек, выкурив едва ли не половину сигареты, он уже хотел выбросить окурок и вернуться обратно в вагон, как увидел тех двух парней, шедших к тамбуру. Впереди шел тот наглец, который высверливал его своим неприятным взглядом. Позади него плелся тот, который сидел к Федору спиной. Федор посмотрел на него. Рожа у него оказалась не менее отвратительной, чем у наглеца. И взгляд не лучше. Смотрит затаенно. Глаза так и блуждают по лицам. Но не на одном не останавливаются. Даже на Федора он посмотрел, словно вскользь.

Оба вышли. Нагловатый парень прикрыл двери и, повернувшись, достал из кармана сигарету. Увидел в руке у Туманова зажигалку, которую тот после того, как прикурил так и не убрал в карман. Отвратительная привычка, постоянно что-то вертеть в руках. Не раз Грек советовал ему завести четки. Здорово успокаивают нервную систему. И отвлекают.

Кивнув на зажигалку, нагловатый парень попросил:

– Разрешите, прикурить?

– Разрешаю, – доброжелательно улыбнулся Федор и надавил пальцем на колпачок зажигалки. За, казалось бы, располагающей улыбкой, скрывалось огромное внутреннее напряжение. Кто знает, что можно ожидать от этого нагловатого. Уж очень не внушают доверия его глаза.

Парень стоял так, что влетающий через разбитое окно поток воздуха, тушил небольшое пламя зажигалки. И Федор прикрыл его от окна рукой. Парень чуть придвинулся, держа в вытянутых губах сигарету, и тоже протянул свои руки, чтобы прикрыть дрожащий на ветру огонек. Но вдруг его руки вцепились в руки Федора, не давая им разжаться.

А стоявший позади наглеца парень с блуждающим взглядом резко шагнул к Туманову, и Федор увидел в его руке пистолет, дуло которого воткнулось прямо майору в сердце.

– Тихо. Дернешься, я тебя убью. Даже не сомневайся, – предупредил парень.

Федор заглянул в его глаза. Теперь уж никак не назовешь его взгляд беспорядочно блуждающим. Все внимание парня держащего в руке пистолет, было нацелено на Федора. Взгляд сделался жестким, пожалуй, еще пожестче, чем у его напарника, который показался Федору нагловатым. Федор сразу для себя определил, кто в их дуэте пешка, а кто ферзь. Ферзь, конечно же, этот, второй. Хотя бы потому, что в руке у него не цапка, а пистолет, и, наверняка, заряженный боевыми патронами. И майор нисколько не сомневался в том, что стоит ему попытаться оказать сопротивление, он выстрелит. Нажать на спусковой крючок, гораздо быстрее, чем размахивать руками, в попытке выбить пистолет. К тому же, его напарник не дает возможности развести руки. Давно уже прикурив, стоит, гад, и с издевочкой попыхивает сигареткой Федору в лицо.

А тот, с пистолетом, свободной рукой быстро и довольно профессионально обшманил майора с головы до ног.

Федор опять улыбнулся. Решил выставить себя подобием дебила. По крайней мере, если лицо будет напряжено в ожидании неприятностей, это и тех двоих заставит быть в напряжении. И палец лежащий на курке, запросто может дрогнуть. Нет, сейчас для Федора лучше, если они оба расслабятся.

– А я и не сомневаюсь, – с улыбкой проговорил Федор и добавил тут же: – Ребята, вы, наверное, ошиблись. Обознались. Вряд ли я тот, кто вам нужен. И в бумажнике у меня, кот наплакал. Могу показать.

– Заткнись, – сквозь стиснутые зубы рыкнул на него нагловатый парень.

Федор посмотрел на него. С каким бы удовольствием сейчас заехал ему по этим зубкам. Если б не пистолет в руке у его напарника. Ладно. Пусть пока считают, что им, соплякам, повезло. Но не Федору. И майор вздохнул.

– Как скажите, – произнес Туманов как бы с безразличием, не убирая с лица все ту идиотскую улыбку. И сам он, как идиот. А кто же еще, если ему в бок пистолетом тычут, а он стоит, лыбится.

– Он пустой. Без ствола, – сказал парень, который держал Федора под пистолетом. На лице у него появилось разочарование. Наверное, стало неинтересно иметь дело с безоружным человеком. Пусть он и выше ростом, и выглядит не слабаком, но что он сделает против ствола.

Зато нагловатый парень, как будто даже обрадовался, сказал:

– Тем лучше для нас и хуже для него. Возиться меньше.

Последняя фраза навела Федора на неприятные размышления. За окном теперь редко попадались населенные пункты. Казалось, электричка мчится в глухой таежный край. С двух сторон к железнодорожным путям подступали высоченные сосны. Хотя, по мнению Туманова, они еще не выехали за пределы московской области. Трудно было и предположить, что где-то на самой дальней окраине, еще остались такие дебри. Но это и в самом деле, хуже для него. Кажется, эти двое духариков с пистолетом собираются его убить. И если такое случится, то в такой глухомани его труп найдут не скоро.

На душе стало скверно, когда электричка подкатила к платформе, на которой стояла небольшая кирпичная будка, скорее всего касса, и на ней краской корявыми буквами было выведено название станции – Лесная.

Федор глянул. На платформе не было видно ни одного человека. Да и сама касса, похоже, давно уже была в нерабочем состоянии. Зарешеченные окна, выбиты, а на двери висел здоровенный замок. Дремучий угол. И какому только олуху пришло на ум назвать остановку Лесной. Лучше бы подошло название – Таежная. Кругом дремучий лес и глухомань. Того и гляди, медведь из чащи выйдет. Хотя, чего уж тут рассуждать о названии этой убогой станции. Какая Туманову разница, как она называется. Лучше о себе подумать. Влип майор. И влип по крупному. И чего ради поперся в эту Тулу. Надо было послать запрос на

Молчанова по бывшему месту жительства, и пусть бы участковый подготовил на него сведения. Так нет же, хотелось все побыстрее, а спешка, как известно нужна при ловле блох. Вот теперь давай, выкручивайся.

Федор покосился на стоящих перед ним парней. Не мешало бы выяснить, кто они такие. Странные ребята. От самой Москвы вместе ехали. Неужели, все это время они выбирали место, где его завалить. И вот, кажется, нашли.

– На этой остановке мы выходим, – проговорил парень с пистолетом в руке. Федор воспринял это известие довольно сдержанно, стоял, не шелохнувшись, все с той улыбкой, словно сказанное, к нему не имело никакого отношения. Со стороны впечатление было такое, будто он встретил двух своих знакомых и нескладно обрадовался встрече. Так могли подумать пассажиры в вагоне. Пистолета в руке парня они не видели. Зато видели дебильную улыбку Туманова. Кажется, сейчас его физиономия особенно не нравилась нагловатому парню. Или просто надоело видеть перед собой глупую рожу. И парень нахмурился.

– Не лыбься, козел. Ты выйдешь с нами. И поверь, тогда уж тебе будет точно не до улыбок, – сказал он. Его напарник оскалился в улыбке.

Федор пытался глянуть в вагон. Довольно странная ситуация. В вагоне полно народа, но почему-то в тамбур никто не выходит. Хотя бы покурить. Федор не знал, почему так. Парень с пистолетом в руке, загородил его от людей в вагоне. Вот тебе и ситуация. Человека собираются убить, но никому нет до этого дела. Типичный случай наших дней. Чему уж тут удивляться. Потом, когда его будут искать, попытаются установить личности пассажиров, ехавших с ним в одном вагоне. Но никто из них не обратил внимания на высокого мужчину, дремавшего у окна от самой Москвы. Хорошо бы чтоб сейчас, хоть кто-то глянул на него. Но, похоже, этого очень не хотелось двум парням, потому и отгородили они его от вагона.

Стоило электричке остановиться, после того, как двери открылись, парень, державший в руке пистолет, больно ткнул стволом Федора в грудь, подталкивая его сойти на платформу и говоря при этом:

– А ну, давай, пошел.

Теперь все решали секунды. Странно, но Федору показалось, будто сами они не собирались выходить вместе с ним. Им надо было столкнуть его на безлюдную платформу. И стоит ему оказаться там, как тот с пистолетом, не раздумывая, разрядит ему в спину полловину обоймы, прежде, чем двери закроются. Даже, если он окажется, всего лишь ранен, шансы выжить, не велики. Электричка уедет. Стало быть, на чью-то помощь рассчитывать не стоит. Тем не менее, время шло, а эти двое сзади поднапирали.

Чтобы его не пристрелили сейчас, прямо здесь в тамбуре, что само по себе исключать тоже было нельзя, Федор решил изобразить покладистость.

– Ладно. Хорошо. Я выйду, – сказал он, повернувшись спиной к парням.

– Выходи, – немного успокоившись, проговорил парень, у которого в руке был пистолет. Незаметно от Федора, он кивком головы дал понять своему напарнику, что сейчас все будет кончено. Но в следующий миг случилось то, чего никак не ожидали эти двое.

Шагнув к открытым дверям, Федор вдруг отскочил в сторону, на случай, если ему незамедлительно выстрелят в спину. Но выстрела не последовало. А между тем, Туманов вдруг резко развернулся в пол-оборота, схватив парня за кисть, в которой был зажат пистолет. Глупец посчитал, что Туманов попытается вырвать его, и сжал руку изо всей силы. Но расчет оказался неверным, потому что вырывать готовый к стрельбе пистолет, не входило в планы Федора. Схватив крепко парня за руку, майор выставил в сторону правую ногу, через которую тут же перебросил его. Во время броска рука у парня самопроизвольно разжалась, пистолет вылетел, а сам парень, перевернувшись через голову, распластался на платформе. Его напарник как видно растерялся. Не ожидал такого. Понадеялся на приятеля с пистолетом, свой доставать не стал. И теперь, поняв, какую оплошность совершил, быстро

сунул руку в карман куртки. Наверное, в этот момент от расстройства или растерянности, он, напроочь, утратил всякую способность здраво мыслить, потому что не подумал о том, сколько уйдет времени, чтобы достать пистолет и передернуть затвор. Парень, кажется, был не из хилых, и если бы вцепился в Федора, запросто мог вытащить его на платформу. Но он об этом не подумал. Видно привык играть с оружием, считая его намного надежней кулака. Так считал он, но не Федор. Размахнувшись, Туманов довольно сильно ударил кулаком наголоватого парня в солнечное сплетение. Парень охнул и сразу же наклонился, едва не касаясь головой грязного, заплеванного пола тамбура.

Федор не стал дожидаться, пока двери закроются. Толкнул парня, и тот очутился на платформе, рядом со своим товарищем, который уже пришел в себя и ползал в поисках пистолета.

Где-то под днищем вагона зашипело. Вот-вот должны закрыться двери. Мысленно Федор подгонял зазевавшегося машиниста, который видно засмотрелся на двух выпавших, на платформу парней, приняв их за пьяных. Тут же Туманов услышал дребезжащий звук. Увидел, как стеклянные двери, отделявшие вагон от тамбура, раскрылись, и в тамбур выскочила красавица блондинка. Только в этот момент она не показалась Федору красавицей. И куда девалась ее застенчивость. На Туманова она смотрела так, словно выцеливала его в правый глаз. А может, так оно и было на самом деле, потому что в правой руке она держала пистолет, ствол которого направила Туманову в голову. Двери уже стали закрываться. Девушка вытянула левую руку, и, ухватившись за ручку стоп-крана, опустила ручку вниз.

Опять под днищем тамбура послышалось шипение, только на этот раз намного громче, как будто сейчас вот-вот должно что-то разорваться. И если такое произойдет, то вагон не двинется с места. Федор глянул в вагон. Любопытные пассажиры повскакивали со своих мест, но в тамбур никто не вышел. Да, наверное, и правильно. Любая выходка со стороны пассажиров, могла быть истолкована вооруженной девушкой по-своему. Рассерженная красавица, не раздумывая, могла продырявить из своего шпалера голову кому угодно. Глядя в ее решительное лицо, в этом сомневаться не приходилось.

Заметив, что Федор смотрит в вагон, она чуть отвлеклась, глянув на пассажиров. Видно, личной безопасностью она не пренебрегала. Продолжалось это совсем не долго, две, три секунды. Не больше. Но этого времени оказалось вполне достаточно, чтобы обезоружить ее. Пришлось применить прием, в результате которого рука у девушки оказалась вывернутой, а пистолет выпал в пространство между вагоном и краем платформы.

– Отпусти, гад! – вскрикнула девушка от боли.

Для начала Федор поднял ручку стоп-крана. Под днищем тамбура перестало шипеть. Двери резко закрылись. Вагон вздрогнул, и электричка тронулась. Только тогда Федор отпустил руку блондинки, несколько секунд назад так уверенно сжимавшую пистолет. Никогда бы не подумал, что это милое создание способно держать оружие, причем, не просто так, а с твердым намерением убить его, майора милиции. А что именно так бы и произошло, Федор нисколько не сомневался. Теперь попытался заглянуть красотке в глаза, надеясь, что она хотя бы раскаивается за свой поступок. Но как раз раскаянья в ее милых глазках, Федор и не заметил. Взгляд блондинки был предельно собранным и жестким, как у ее коллег, которые попытались напасть на Федора. Девушка с тоской смотрела на мелькавшие мимо столбы, отсчитывая по ним километры, отделявшие ее от той платформы, где остались парни.

– Все равно тебя кончат, – с полным равнодушием сказала она, хотя Федор ее и не спрашивал. Речь касалась его собственной жизни, но Туманов пожал плечами с не меньшим равнодушием.

– Когда-нибудь это, возможно, случится, – сказал он. Девушка внимательно посмотрела на него. Ее уголки губ едва заметно опустились вниз.

– Я, думаю, это случится скоро, – произнесла она.

Федор призадумался такому откровению. Похоже, она знала кое-что такое, чего не знал он. Поэтому майор сказал:

– Обещаю, что не сделаю тебе ничего плохого, если скажешь, кто так беспокоится обо мне? Кто послал вас?

Девушка улыбнулась и посмотрела так, как если бы перед ней стоял Иванушка-дурачок из сказки.

– Ну ты даешь, – нагло усмехнулась она. А Федора ее усмешка взбесила. Получалось так, словно он, майор, опер, упрасивает ее на откровенность. И это притом, что пять минут назад красавица собиралась вытолкнуть его на платформу к своим друзьям.

– Они полные кретины, – сердито сказала девица о своих друзьях. – Я предлагала им грохнуть тебя прямо на вокзале. А они захотели отъехать подальше от Москвы.

Вот тебе и первое откровение. Вот, стало быть, кому Туманов обязан тем, что еще не умер. Не этому милому созданию в джинсах и обтягивающей тугие груди спортивной майке, а тем двум недотепам, которые не послушались ее. Кто знает, может быть, там, на вокзале у них все вышло бы как надо. А так Туманов еще живой. Но что делать с этой зассыхой. Пистолета теперь нет у нее. И вряд ли удастся доказать, что она покушалась на жизнь майора милиции. В тамбуре при этом инциденте никого из свидетелей не было. И в вагоне они вряд ли отыщутся. Есть любопытные, которые потом заявят, что ничего не видели. Единственное, для чего девчонку следует притащить в линейное отделение милиции, это, чтобы установить личность и выяснить ее паспортные данные. При ней Федор никаких документов не обнаружил. А потом, девчонку придется отпустить. Правда, перед этим желательно бы хорошенько выпороть, чтобы впредь ее не тянуло баловаться с оружием да еще при таких серьезных обстоятельствах.

Федор посмотрел на ладненькую фигуру девушки. Длинные ножки. Круглая попка. Как говорится, все при всем. Будь на его месте какой-нибудь бандит, он бы быстро сообразил, как наказать красотку и уж точно не потащил бы ее в ментовку. Высадил на ближайшей остановке и разложил бы ее на травке, прямо не далеко от платформы. Но тем и отличается опер от бандита, что может не все и не так. Хотя лично Федор сейчас бы предпочел для блондинки именно такое наказание. А ему своего рода – компенсация за моральный ущерб. Все могло получиться иначе. И она могла и пристрелить его. Тогда бы уж не потребовалось никакой компенсации.

– Я устала. Хочу сесть, – несколько капризно проговорила девушка. Но зайти в вагон Федор ей не дал.

– Извини, подруга. Но на ближайшей станции, где есть линейное отделение милиции, нам придется с тобой выйти.

Девушка понимающе посмотрела на него.

– В ментовку меня потащишь?

– А что, прикажешь тебя в ресторан вести за то, что чуть не убила меня? – вопросом на вопрос ответил Федор. Девушка промолчала, но скроила обиженную физиономию. Но молчала она не долго.

– Слушай, можно мне туда? – показала она на дверь, отделявшую один вагон от другого. Федор сразу и не сообразил, с какой целью она туда рвется.

– Зачем? – спросил он.

Блондинка усмехнулась, покачала головой на его непонятливость.

– Ну ты даешь, дядя. Я пипи хочу. Понимаешь? Сил нет терпеть. Прикинь, как я буду выглядеть в мокрых джинсах в ментовке. – Ее глаза сверкали, как у плутоватого бесенка. – Может быть, ты хочешь, чтобы я сделала лужу прямо тут? Так я, пожалуйста, – девушка расстегнула пуговицу на поясе брюк, потом молнию.

Федор увидел полупрозрачные белые трусики, через которые проступал пучок густых волос, покрывавших лобок.

Девушка приспустила джинсы, присела и уже хотела снять трусики, но Федор решительно остановил ее, сказав:

– Ладно, не выламывайся тут.

Девушка капризно фыркнула.

– А кто тут выламывается? Не вижу. Я пописать хочу. На вокзале мы пиво пили. Или у тебя это по-другому выходит?

Федор махнул рукой.

– Ладно, иди. Но знай, я буду стоять возле двери. Если вздумаешь удрать в другой вагон, догоню. Тогда ты не только пипи сделаешь в порточки, но и кака. Понятно излагаю? А теперь, давай, иди, – он открыл дверь, отделявшую один вагон от другого. Заглянул. Оттуда на Федора пахло тухлятиной. Вот будет кайф для этой крали, посидеть там, подышать. Майор улыбнулся.

Девушка зашла. Чуть приспустила джинсы, но трусики пока оставила. Видела, с каким интересом этот жлоб пялится на то, что под ними. Может и показала бы ему при других обстоятельствах, но сейчас...

– Ты чего, так и будешь стоять с открытой дверью, пялиться на меня? Или может, зайдешь сюда, если не видел, как женщина писает? – без стеснения предложила девушка, захотав при этом.

– Ладно. Только предупреждаю, я буду стоять возле двери, – сказал Туманов и закрыл дверь. Разозлила его эта зассыха. Насмехается. Только зря она это делает. В Москве ее Федор отыщет. И тогда уж будет другой разговор.

Внезапно ему показалось, будто в двери, к которой он прислонился спиной, раздался металлический щелчок. Он быстро обернулся, схватился рукой за ручку, пытаясь ее открыть. И не смог. Дверь была заперта. Видно у этой девчонки оказался ключ от двери и сейчас она воспользовалась им, оставив Туманова в дураках. Некоторое время он видел ее лицо. Девушка смеялась над его попытками во что бы то ни стало, открыть дверь. И даже показала язык. Но когда за окном замелькали очертания станции, к которой подъезжала электричка, она помахала Федору рукой и быстро пошла в вагон.

Наверное, до того момента, как остановиться электричке, блондинка успела пробежать несколько вагонов. На остановке, Федор выскочил на платформу, глянул на толпу выходящих из вагонов пассажиров. Двери электрички вот-вот должны закрыться, и у майора Туманова не возникло ни малейшего желания остаться тут, тем более, что девчонки он так и не увидел. «Неужели, она в электричке?» – подумал Туманов, видя, как на смену вышедшей толпе пассажиров, вагоны заполняются толпой вошедших. Они остановились в каком-то небольшом городишке. Федор даже не успел прочесть название остановки. Высматривал блондинку. И заметил ее тогда, когда электричка стала набирать скорость. Видно она выскочила на платформу в самый последний момент, перед тем, как закрыться дверям. Теперь чувствовала себя в полной безопасности перед Федором и даже нагло помахала ему рукой.

И Федору ничего не оставалось, как тоже помахать ей в ответ. Сейчас, когда неприятные минуты ожидания между жизнью и смертью, остались позади вместе с теми двумя незадачливыми киллерами, захотелось просто рассмеяться. Рассмеяться судьбе назло. Везение и невезение – понятия относительные. Пусть ему сейчас не повезло с этой девчонкой, зато он остался жив. А обо всем происшедшем с ним, стоит поразмыслить. Если эта троица увязалась за ним от самой Москвы, получается, что они следили за ним. Жаль, не удалось выяснить у девчонки, кто они такие. И по чьей милости подняли руку на него. Кто-то о нем беспокоится. На этот счет у Федора появилось устойчивое предчувствие, что встреча с ними была у него не последняя. И если такое, в самом деле, повторится, то разговор уже будет

иной. По крайней мере, с этой красоткой. А пока, пусть она порадует, как ловко провела мента. Повезло ей, дурехе. Небось, радуется, забывая о том, что везение не бывает частым. И блондинке не мешало бы задуматься об этом.

* * *

Идею майора Туманова, поехать в Тулу, Грек с самого начала не разделял.хлопотно это, да и не ближний свет. Да плюс ко всему, поездка эта может оказаться весьма и весьма неудачной.

– Да ты пойми, – горячо отстаивал Федор свою точку зрения, – человек родился там. Жил, можно сказать всю жизнь. Там у него могли остаться какие-то корни. А тут что? Тут его никто толком и не знает. Тихо жил. И тихо умер.

– У него и там родных нету, – не сдавался Грек.

– А бывшая жена? – решил поддержать майора лейтенант Ваняшин.

– А что жена? Жена умерла давно. Он и переехал сюда, – настаивал на своем Грек. – Ты, Николаич, просто время потеряешь и все. Говорю тебе, разгадку этого убийства надо искать здесь, в столице. Точно тебе говорю.

За короткий период было отработано и проверено несколько версий случившегося. И ни одна из них, по мнению сыщиков, не была единственно верной. И в тоже время, оперативники понимали, что-то за этим убийством кроется. Ни с того, ни с сего не будут стрелять в голову разрывной пулей. Тот, кто стрелял, очень хотел уложить Молчанова. И свою работу выполнил качественно. Проявив максимум усердия.

– Надо ехать. Уверен, только тогда для нас кое-что прояснится, – сказал Федор, припоминая недавний разговор в его кабинете. Тогда Грек был иного мнения. А сейчас просто опасался, что майор пошлет в Тулу его. Но Федор не послал, ни его, ни Ваняшина. А сам Грек набиваться не стал. Под натиском веских аргументов Туманова, уступил.

– Ладно, – заявил капитан, посчитав, что отговаривать Туманова, себе дороже встанет. – Идея твоя. Езжай. Если что звони, мы с Лехой приедем.

Федор на это ответил, что обойдется без них. В конце концов, капитан прав. Идея действительно принадлежит Федору. Поэтому и ехать майор решил сам.

– А вы в мое отсутствие подежурьте в квартире убитого. Может, тот ночной визитер соблаговолит заявиться туда опять. Если кто будет звонить, телефонную трубку не снимайте. Потом прослушайте запись на автоответчике. Неплохо было бы, если б вы того супчика повязали там, – сказал майор.

– Неплохо бы, – согласился Грек. Не хотелось вспоминать, как в тот раз все нелепо получилось. Но в этот раз такого не повторится. Ведь они вдвоем с Ваняшиным. А этот медведь не подведет. У него один кулак, как у того гада башка.

– Устроим там засаду. Ну, если он, гад, придет, – Грек сжал кулак и посмотрел на Леху Ваняшина. Но на лице лейтенанта не заметил никаких эмоций.

Федор выехал пораньше утром, чтобы к вечеру уже вернуться назад в Москву. Адрес, по которому Молчанов жил ранее до приезда в Москву, имелся в паспорте. Но сначала Туманов наведася на завод, где когда-то работал Молчанов. Надеялся, там удастся что-то разузнать об убитом.

С кем Федор не встречался, все отзывались о погибшем Молчанове только с положительной стороны. Это Туманова даже стало злить. Выходила какая-то нелепица. Получалось, что погибший был весьма положительным человеком. И этот положительный человек столько лет прожил в Туле, и ничего. А вот переехал в Москву, и погиб от руки киллера. Причем, как выяснилось, жили Молчановы довольно неплохо. Свой дом на окраине города. Небольшой садик, огородик. Одним словом имелось все необходимое, чтобы вместе с женой

встретить тихую спокойную старость. Вот только детей у них не было. Но это нисколько не отчуждало супругов и, по словам соседей между ними никогда не происходило скандалов.

Федора начинало воротить от лестных высказываний, на которые не скупились соседи. Получалась вообще какая-то чушь. Этот Молчанов был самым, что ни на есть тихоней. За свою жизнь, никого не обидел, не нагрубил. В такое верилось с трудом. Уж слишком идиальным выходил погибший. Но все, с кем Федору удалось переговорить, в один голос уверяли его в этом. «Черт знает что такое, – думал Туманов, – не человек, а эталон какой-то. Интересно, за что же все-таки эталону раскроили голову». На этот вопрос Федору никто не мог дать исчерпывающего ответа.

И Федор уже сожалел о том, что уезжать ему назад предстоит ни с чем. В местном райотделе, участковый, обслуживающий улицу, на которой жили Молчановы, тоже ничего существенного не сказал, не считая наводки на дальнюю родственницу по линии жены. У самого Молчанова никого из родни не осталось.

– Она на этой же улице живет. В самом конце. Хотите, сходите, переговорите с ней. Может, какие фотографии остались, – посоветовал участковый.

Федору показалось, что седой капитан, уставший от своих забот, просто не хочет возиться со столичным опером, потому и отправляет его к восьмидесятилетней бабке, которая, небось, уже начала подзабывать свое собственное имя. И если действительно это так, то, что она тогда может поведать про Молчанова. Но что не раз отличало упрямого майора от других оперов, это настырность, переходящая в фанатичное упрямство, с каким Федор брался за дела. Сыграла она свою роль и сейчас.

Туманов не поленился навеститься к старухе, хотя от этой беготни, чувствовал себя чертовски усталым. Старуха сидела за столом, а на коленях у нее развалилась большая пушистая кошка. Дремала и мурлыкала. И слушая убаюкивающий голос бабуся, Федор стал отчаянно бороться с дремотой. Голос старухи сливался с мурлыканьем кошки. Глаза так и закрывались. Казалось еще немного, и майор уронит тяжелую голову на стол. И вдруг до него эхом дошел голос старухи, который сразу вывел Туманова из дремотного состояния.

– Мы-то, Витьку, рыжим всегда дразнили. А он и не обижался, – как бы нараспев произнесла старуха. А Федор встряхнулся, прогоняя дремоту.

– А почему, рыжим? – спросил он, припоминая, что убитый Молчанов никак под эту кличку не подходил. Волосы у него были черными с едва проступавшей сединой. «Причем же здесь, рыжий? Бабуся выжила из ума», – подумал Федор, повнимательней приглядываясь к старухе. Может так статься, что они битый час ведут разговор о двух разных людях.

Но, несмотря на почтенный возраст, бабуся отнюдь не выглядела умалишенной. Во всем, проявляя завидную сдержанность, проявила ее и в общении с Тумановым. Сказала только:

– А как же. Ведь он – рыжий. Рыжий и есть, рыжий. Потому и дразнили его.

– Простите, кто рыжий? – на всякий случай переспросил Федор. Может, старуха не так поняла его.

– Да Витька Молчанов, рыжий. Его и жена в шутку рыжим называла.

– Погодите, как рыжий?

– А как бывают рыжие? Рыжие волосы. Веснушки на лице. Потому и рыжий он. Вы что же и рыжих никогда не видали, – старуха, кажется, начинала терять терпение. Неужели там в Москве, все милиционеры такие тупоголовые как этот. Насмехается он что ли над старухой.

А Федор и в самом деле улыбнулся. Кажется, бабуся все – таки немного выжила из ума. Путаает что-то. И Туманов решил немедленно переспросить. Ведь не просто так ехал за столько километров.

– А вы ничего не путаете насчет рыжего? – спросил Федор. Старуха повела себя сдержанно, постаралась не заметить его насмешки. Или отнеслась к ней все с той сдержанно-

стью, которую держала в себе, как нечто особенное. Но бабуся знала себе цену и чтобы развеять сомнения московского милиционера, встала, согнав с колен кошку, пошла к шкафу, достала альбом с фотографиями в потертой обложке. Вернулась и, положив альбом перед Тумановым, раскрыла его.

– Вот он, Витька-то Молчанов, – указала она скрюченным пальцем на цветную фотографию, на которой была запечатлена русоволосая женщина лет сорока, а рядом с ней рыжеволосый мужчина. На его лице отчетливо проступали веснушки, о которых Федору только что так настойчиво толковала старуха. Теперь на ее лице отобразилась хитрая улыбка. Она как бы говорила, ну что, кто кому из нас голову дурачит? И выходило, что дурачит, именно, он, майор Федор Туманов. Потому что не поверил ей сразу.

С минуту Туманов молча разглядывал черты лица рыжеволосого, свыкаясь с мыслью, что здесь что-то не так. Тот мужчина, убитый возле ресторана и этот рыжий на фотографии, не имели ничего общего. Поэтому Федор не удержался от вопроса.

– Кто это? – спросил Федор. Теперь в его голос добавилось еще больше растерянности.

Кажется, родственница умершей жены Молчанова, окончательно потеряла терпение. Для начала, пожевала губами, а потом сердито сказала:

– Я ведь вам сказала, кто это. Чего десять раз переспрашивать?

– То есть, вы хотите сказать, что это – Молчанов Виктор Николаевич?

Старуха утвердительно кивнула, внимательно приглядываясь к Федору. Станный он, какой-то, этот приехавший из Москвы милиционер. Документики она у него проверила. Только, что-то уж подозрительно он себя ведет. Приехал спросить про Витьку Молчанова. Она ему рассказала и даже фотографию показала. Сдается бабуся, что этот милиционер не хочет верить ни одному ее слову. А раз так, может, выпроводить его, да и дело с концом.

– Погодите, – взмолился Федор, чувствуя, что у него голова идет кругом от всей этой чехарды.

Старуха в ожидании уставилась на него.

– Жду, – прошамкала она, беззубым ртом. А Федор почувствовал, что должен кое-что открыть старухе. Сказал:

– Понимаете, в Москве убит человек – Молчанов Виктор Николаевич...

– Батюшки, свет! Да ты что? Витька убит?

– Вот мы и выясняем, тот ли это Молчанов, – начал объяснять Федор. – Согласно паспортным данным, убитый является уроженцем Тулы и до переезда в столицу, проживал тут. Вот, собственно, почему я здесь.

– Витька, убит?.. – запричитала старуха.

– Да подождите вы. Может это и не тот Витька, то есть Молчанов. Вы говорите, что этот Молчанов – рыжий. А там, убит – брюнет. И веснушек на лице у него нет. Знаете, я что-то ничего не пойму. – Слушая старуху, у Федора сперва возникло желание, привезти ее в Москву, на опознание. Но, учитывая ее возраст, оно тут же отпало. Вдруг старуха дорогой помрет, тогда будет два трупа. Потом еще и с ней возись. Придется обойтись без ее опознания.

– А я сама не пойму, про что ты толкуешь мне. Но что хошь со мной делай. Да здесь тебе любой скажет, Витька Молчанов был рыжим. Может, у вас там, в Москве, чего напутали? Может, жив он?

Федор за это поручиться не мог, как не мог утверждать и обратное. Поэтому пожал плечами и сказал:

– Все может быть. – Но, чтобы уточнить адрес, решил спросить: – Скажите, вы говорите, что Молчанов переехал в Москву, после того, как схоронил жену?

– Ну да. Как Екатерина его умерла, так и уехал.

– Понятно, – задумчиво протянул Федор, потом спросил: – А отчего она умерла? Не знаете?

Старуха чуть не рассмеялась, показав Федору свои беззубые десенки.

– Да как же не знаю? Знаю. Током ее убило. Белье стала гладить, а утюг не исправен оказался. Ну ее сразу и шарахнуло. Не мучилась. Тут же умерла. Ох и убивался тогда Витька. Тосковал. На могилу к ней ходил каждый день. Месяц целый. А потом приходит вдруг как-то ко мне и говорит: «Теть Клава, уезжаю я в Москву. Там жить буду». Я еще удивилась. Столько лет, тут прожил, и вдруг в Москву. Но отговаривать, не стала. Он мужик самостоятельный, может там найдет себе какую бабенку. Только спросила я его, как с жильем-то. А он мне сказал, что купит там квартиру. И уехал. Потом приезжал, дом тут свой продал. Адрес оставил мне свой.

– Адрес?

– Ну да, – подтвердила старуха. А Федор попросил:

– Вы его не потеряли? Можно взглянуть?

– Не потеряла, – обиделась старуха. – Что я, из ума выжила. Вот он. – Она сунула руку под обложку фотоальбома и достала клочок бумаги.

Федор взглянул и не сумел скрыть удивления. А удивиться тут было чему, потому что адрес был записан на бумажке тот самый, по которому проживал убитый возле ресторана. Туманов вытер вспотевший лоб. Вздохнул.

– Чертовщина какая-то, – задумчиво произнес майор, а старуха не поняла, к чему сказаны эти слова. Спросила:

– Чего?

– Да так я, – махнул рукой Федор и попросил: – Клавдия Семеновна, вы мне эту бумажку не дадите? Это ведь подчерк Молчанова? Его рука?

– Ну, его, – старуха подозрительно смотрела на бумажку с адресом, размышляя, отдать что ли, или нет? Вдруг самой понадобится. И приняла компромиссное решение, сказав:

– Ну возьмите, раз надо. Только я сейчас адрес перепишу. Мало ли чего...

Федор кивнул.

– Переписывайте. Только это еще не все, – сказал Туманов, натолкнувшись на еще большее подозрение в глазах старухи.

– А чего еще? – насторожилась та.

Федор показал на фотографию, на которой был рыжеволосый с женой.

– Эта фотография... Она нам нужна для дела, – подчеркнуто сказал он. – Мы расследуем убийство гражданина, у которого в кармане был паспорт на фамилию – Молчанов Виктор Николаевич. И эта фотография нам может здорово помочь...

На этот раз родственница жены убитого Молчанова не колебалась. Сама вытащила фотографию из альбома и протянула майору Туманову.

Уезжал Федор из Тулы поздно вечером, и хотя чувствовал себя усталым и разбитым, но в вагоне старался не спать, внимательно вглядываясь в лица входивших и выходивших на остановках, людей. Вдруг роковая случайность сыграет с ним злую шутку, и он опять столкнется с той троицей. Но на этот раз, как говорится, Бог миловал. И майор благополучно добрался до Москвы.

На такси денег не было, поэтому от вокзала пришлось добираться на метро.

Даша не спала, хотя Федор заявился домой в половине первого ночи. Глянув в его усталое лицо, она улыбнулась.

– Милый, ты как будто с любовного свидания, – шутливо произнесла она.

Не смотря на усталость, Федор не утратил чувство юмора. Сказал:

– Так и есть. Если учесть, что на первом свидании меня чуть не пристрелили. А второе состоялось с восьмидесятилетней старухой.

Даша расхохоталась, обняв Федора.

– С каких это пор, мой негодник майор стал западать на тульских старушек?

Федору ничего другого не оставалось, как вздохнуть. Никогда не понимал тех мужчин, которые испытывают пристрастие к дамам пожилого возраста. Поэтому эта шуточка Даши показалась ему чересчур острой.

– Это сильно сказано, западать. Милая, я ездил в Тулу по делам и только.

– И как твоя поездка, удачная? – не отставала Даша, словно намереваясь выпытать у мужа что-то нечто особенное. Но ее надежды не оправдались.

На усталом лице Федора появилось, легкое разочарование.

– Не совсем. Хотелось бы большего, – скупно ответил он, после чего Даша отпустила его из своих объятий, сказав:

– Перестань, хныкать. Мой руки и садись ужинать. Я тебя ждалась. Весь вечер от окна не отходила.

Федор нежно поцеловал жену в лоб.

– Родная, спасибо за заботу. Только мне что-то ужинать не хочется. Устал я, Дашка. Если ты не против, я присяду, – Не дожидаясь, что она ответит, Федор прошел в комнату и сел на диван. И тут же его глаза закрылись.

– Федор, – тихонько позвала его Даша из кухни, намереваясь убедить мужа не отказываться от вкусного ужина. Но майор не ответил. Он спал.

Даша и представить не могла, что Федор может вот так мгновенно заснуть. Она подошла и улыбнулась, подумав, что он притворяется спящим. Взяла его за руку и увидела, что Федор действительно спит. Села рядом на колени и прислонилась щекой к его руке, поглажив ее.

– Спи, мой майор. Спи, и пусть тебе снятся только хорошие сны. Потому что плохие, я прогоню от тебя. Пусть душа твоя успокоится. Ведь я рядом с тобой, мой милый, – сказала Даша тихо, поглаживая жесткую ладонь Федора. Ей показалось, будто Федор во сне услышал ее и улыбнулся счастливой улыбкой.

Глава 5

Ему уже стало казаться, что ничего хорошего в дальнейшем ждать не стоит. Все было в его жизни и счастье и разочарование, не было только денег, в таком количестве, в каком бы хотелось. Сколько раз, вглядываясь на экране телевизора в уверенное лицо главы кабинета министров, вещавшее об экономическом подъеме в стране, он улыбался. Что-то на себе и своих знакомых он этого подъема не замечал. Зато замечал другое: продукты едва ли не ежемесячно дорожают, и жить становится все труднее. И он человек с университетским образованием вынужден бедствовать и перебиваться временными заработками. И это притом, что месяц назад он считался неплохим филологом. Преподавал в текстильной академии. Преподавал до тех пор, пока не раскрылась его связь с одной из студенток. Провинциальная девочка оказалась не лишена нахальства, и предоставила в деканат справку о беременности и еще заявление, в котором указывала, что преподаватель русской литературы Сурин Валентин Михайлович, склонил ее к сожителству. Дуреха захотела получить московскую прописку. Даже грозила обратиться в прокуратуру. В ответ Сурин пообещал сделать все возможное, чтобы выкинуть наглую дешевку из академии. Считал, что в его действиях напрочь отсутствовало всякого рода домогательство. К тому же не он один трахал хорошеньких студенток за выставление отличной оценки за экзамен. Но в деканате отреагировали на сигнал несчастной девушки по-своему. И в результате Сурину пришлось подать заявление. И это в тот момент, когда до пенсии оставалось каких-то восемь с небольшим лет.

Несколько дней подряд Сурин безуспешно обивал пороги различных учреждений, где ему деликатно отказывали в приеме на работу. И когда отчаянье отпетого неудачника полностью захлестнуло его, он неожиданно встретил своего университетского товарища Вадима Щавелева. Еще работая в академии, слышал, что Вадим стал управляющим крупного банка. Помня, какой щедрой души всегда был Вадим, несколько не удивлялся тому, что именно его банк не единожды оказывал текстильной академии значительную финансовую помощь. Догадывался, что все эти крупные денежные вложения происходили не без прямого участия Щавелева. Как-то раз Вадим даже приезжал к ним в академию. Но вряд ли в толпе благодарных профессоров и преподавателей он разглядел скромного Валентина Сурина. А сам подойти к нему, Сурин не решился.

Но скоро он убедился, что студенческая дружба не проходит с годами. Проезжая на своем роскошном «Мерседесе» по улице, Вадим увидел его и остановился. Сурина даже было неудобно ему руку протягивать, все-таки управляющий такого банка. Но Вадим ничуть не изменился со дня их последней встречи. Все такой шальной. Сам подошел и обнял Валентина, как это принято сейчас у «новых русских». Двое его охранников выскочивших из машины следом, рты раскрыли от удивления. Их босс обнимается с замухрышкой. Такому в пору по помойкам ходить. А босс не побрезговал.

– Здорово, Валюха!

– Здравствуй, Вадим, – Сурин вел себя довольно сдержанно, видя, как подозрительно пялятся на него охранники Щавелева. Ведь наверняка у каждого под пиджаком по пистолету. Еще, чего доброго, примут радушие Сурина на свой лад, как попытку к нападению и пристрелят.

Заметив настороженность Валентина по поводу охранников, Щавелев велел тем не мешаться под ногами и сесть в машину.

– Все в порядке. Это мой старинный друг. Мы с ним когда-то грызли гранит науки в университете.

Охранники сели в машину, но из окна не спускали с Сурина глаз, как хорошо отдрессированные псы, готовые по первой команде броситься на защиту своего хозяина.

– Слышал у тебя, проблемы, – сказал Вадим, когда они остались вдвоем.

– Откуда же ты мог услышать? – с некоторым удивлением спросил Сурин. Представить себе не мог, что управляющий таким крупным банком может интересоваться проблемами маленького человека, каким считал себя Сурин.

Вадим улыбнулся.

– Я же все-таки, как никак спонсор академии, в которой ты отпахал двадцать лет.

– Почти.

– Что, почти? – не понял Щавелев.

– Я хотел сказать, почти, двадцать лет. Полгода не хватило до этого срока, – объяснил Сурин. А университетский друг Вадим Щавелев расхохотался.

– Срока знаешь где бывают? – хохоча, спросил он и тут же добавил: – А у нас, даты. Кстати, сколько мы с тобой не виделись?

Сурин улыбнулся. Помня о поправке Вадима по поводу срока, сказал:

– Да без малого, двадцать лет. Как закончили университет. Ты пошел в свободное плавание...

– А ты вкалывать преподавателем, – вставил Щавелев, смеясь. Сурин согласно кивнул. Прекрасно помнил то распределение. Кстати сказать, Валентин не был отличником, но обладал немалыми другими качествами, которыегодились ему в жизни. Зато теперь отличнику Сурина похвастаться было нечем.

– Двадцать лет, – мечтательно проговорил Валентин. – А это, между прочим, почти дата. А дату что?.. – посмотрел он на Сурина, ожидая от того инициативы к застолью. И так, не дождавшись, предложил: – А дату, не худо бы и отметить.

– Да я не знаю... – замялся Сурин, нашарив в кармане последнюю сотку, на которую хотел купить молока и коробку геркулеса. В последнее время, как потерял работу, геркулесовая каша стала его ежедневной пищей.

– Понимаешь, у меня трудности с деньгами... Поэтому, может, без ресторана? – вкрадчиво спросил Сурин. Но Вадим улыбнулся, давая понять, что из-за такого пустяка нет смысла огорчаться.

– Поехали, – сказал он. – Я угощаю. – Видя нерешительность старого приятеля, добавил: – К тому же у меня к тебе есть деловое предложение. Думаю, оно тебя заинтересует. Соглашайся. Что ты, в самом деле, как дева. Уговаривать тебя приходится, – он легонько хлопнул Сурина по спине, подталкивая к машине.

За всю свою жизнь, Сурин в ресторане был дважды. Первый раз, это когда женился. Невеста попалась с гонором, заказала свадьбу в «Славянском базаре». Второй раз, на дни рождения у ректора академии. Тогда они неплохо посидели в «Сказке». Весь вечер на сцене танцевали полуобнаженные девицы. Давно Сурин не видел такого обилия красивых женских тел. Глядя на такую красоту, так и хотелось выскочить на сцену, раздеться самому и...

Впрочем, до этого не дошло. Зато на другой день, он принимал экзамен у второкурсников и не сдержался. Грудастая блондинка в короткой юбочке с голубыми как у куклы глазами, сдавала экзамен последней. Сурин бы мог ей сразу поставить оценку. Как опытный преподаватель, видел, что девушка владеет предметом в достаточной степени, хотя на лекциях она бывала редко. Но ему не хотелось вот так ее взять и отпустить. Она была хороша. Засматриваясь на ее груди, видневшиеся в просторный вырез кофты, Сурин чувствовал, как интенсивно кровушка начинает бродить по жилушкам. Глядя на молодое прелестное создание, он будто скидывал с плеч лет, этак с десяток. Чувствовал легкость, а еще то, какой упругой делается его плоть. Хотелось подойти, обнять юную красотку. Посадить ее на стол, и... Об этом Сурин не стал додумывать. Слишком возбуждающей показалась ему эта мысль. И чтобы удержать себя от воплощения ее в реальность, он раскрыл учебник, отмечая пара-

графы для завтрашней лекции. Не поднимая головы, услышал, как рядом упала авторучка. Юная красотка оказалась немного неловкой, уронила ручку.

Чуть подняв глаза, Сурин увидел, что студентка наклонилась, полезла под стол. Видно ручка закатилась далеко, и ей пришлось лезть за ней под его стол. Потом там под столом послышалась возня, и вдруг Сурин почувствовал прикосновение нежных девичьих рук. Они с проворностью отыскивали молнию на его брюках и ловко расстегнули ее.

Все перед глазами преподавателя русской литературы завертелось, как в хороводе, и среди этой круговерти, он увидел дверь. Только бы никто не вошел в аудиторию. Столь пикантная сцена, вряд ли кого оставит равнодушным. Он схватил девушку за волосы, но ничего поделать с собой не мог. Вместо того, чтобы заставить, вылезти красотку из-под стола, удерживал ее там до тех пор, пока не почувствовал сладостное ощущение, заставившее его застонать, закрыть глаза и откинуться на спинку стула. Так продолжалось несколько секунд, но зато, каких. У Сурина уже давненько не было женщины, и вот награда за терпение. Молодая юная красотка. Сегодня он видел, когда она шла по коридору в этой короткой юбочке, все попадавшие студенты, оборачивались и провожали ее голодными глазами. В том числе, смотрел и он, и не знал, что через какой-то час произойдет все то, что произошло.

Он открыл глаза, увидел лежащую перед ним раскрытую зачетку. Авторучка прыгала в дрожащей руке, но, тем не менее, он старательно вывел цифру пять, рядом написал – отлично, и поставил свою роспись. А вечером они лежали с ней в постели у него дома, и грудастая красавица, томно постанывая, прижимала немолодого преподавателя к себе.

* * *

Вадим привез его в ресторан «Прага». Еще когда они ехали, он позвонил по сотовому в ресторан и заказал шикарный столик на двоих. Глядя с каким угодничеством официант крутится возле них, правда больше возле Вадима, Сурин почувствовал себя неловко. И видя его скованность, Вадим простецки сказал:

– Ты чего сидишь такой? Чувствуй себя свободно. Мы же с тобой друзья?

– Друзья, – улыбнулся Сурин, пропустив первую рюмку коньяка. Но раскованно он себя почувствовал, когда выпил таких рюмок с полдюжину. Долго ел. С голодухи, не ощущал вкуса пищи. Тыкал вилкой во все, что попадалось, совал в рот, и глотал не дожеванную пищу. Когда еще удастся так поесть и выпить. И потом, почувствовав отвращение к еде и выпивке, небрежно откинулся на спинку стула и спросил старого приятеля:

– Вадим, мне хотелось бы узнать о твоём предложении?..

Щавелев улыбнулся, но не надолго. Лицо сделалось серьезным и он сказал:

– Хочу тебе предложить должность директора.

На десерт им подали прекрасное молдавское вино. Сурин успел сделать всего лишь глоток из фужера. Услышав про должность директора, отставил фужер.

– Ты что, Вадим? – слова друга воспринял, как насмешку, поэтому не удержался, чтобы не переспросить: – Ты это серьезно, или шутишь?

Всем своим видом Щавелев дал понять, что настроен только на серьезный разговор. И сейчас, глядя в глаза Сурина, спросил:

– По-твоему, я похож на человека, который способен на злые шутки?

Сурин пожал плечами.

– Не думаю... – сказал он. Щавелев кивнул.

– И правильно делаешь. Скажи, вот ты двадцать лет вкалывал на государство, а что оно дало тебе взамен? – спросил он, продолжая глядеть в глаза смутившемуся от такого вопроса приятелю Сурина, и что-то не договаривая.

– Ну, я не знаю... – начал было Сурин. Хотел что-то перечислить. Но, как оказалось, перечислять-то ему как раз и нечего. Потому что даже квартира, в которой он жил, ему досталась от родителей.

– Ни хрена оно тебе не дало. Ничего. Да и мне тоже, – Вадим разочарованно махнул рукой. Но Сурин был не согласен с такой расстановкой.

– Ну, не скажи. По крайней мере, ты банкир, – возразил приятель Сурина.

Вадим Щавелев зло улыбнулся.

– Ага. Высокая зарплата. Вознаграждение по итогам работы за год. Каждая копейка учитывается государством. Ты думаешь, если банкир, то все деньги в банке, твои? Во. – Вадим скрутил кукиш, поднес его к лицу опьяневшего Сурина. – Ничего подобного. Это все принадлежит нашему распрекрасному государству. И мы в том числе. Банкиры – марионетки. Мы ломаем мозги, придумываем, изобретаем, как увеличить доходы банка. Но все, в том числе и наши мозги, принадлежат государству, Валя. Веришь, копейку лишнюю хрен снимешь. А снял, изволь отчитаться, куда ее потратил. Разве, это справедливо. Мы создавали этот банк. Привлекали вкладчиков. Создавали денежный оборот. А государство спокойно наблюдало за нашими действиями. Так-то, Валя. Есть денежки, а не попользуешься ими. Обидно, Валя. До слез.

Вадим вздохнул и замолчал. И Сурин в угоду другу вздохнул и сказал:

– Что делать, Вадим. Еще дедушка Ленин говорил, что государство – это тоталитаризм для общества. Надо смириться, раз ты член этого общества.

Вадим навалился животом на край стола, опрокинув фужер с десертным виноградным вином, которое большим пятном растеклось по белоснежной скатерти. Сразу же подскочил официант, но Вадим жестом руки велел ему удалиться и не мешать их разговору.

– А я, Валя, не хочу мириться. Считаю, что слишком дешево оценивает государство мой ум, – тихо проговорил Вадим. Сурин улыбнулся.

– Так я же и говорю, что делать.

На этот раз улыбнулся и Вадим. Только совсем не так, как это сделал Сурин. В улыбке Вадима было зловещее коварство, а еще загадочность, которая заставила Сурина напрячься.

– Говоришь, что делать? – с улыбкой повторил Вадим.

Сурин молча кивнул, рот был занят апельсином, который он старался побыстрее прожевать и проглотить. Видя с каким аппетитом, Сурин поедает экзотический фрукт, Вадим сказал, ошарашив приятеля Сурина:

– Скажи, как бы ты отнесся к предложению, занять, ну скажем, пару миллионов долларов? – Он поднес к лицу Сурина два пальца.

Сурин быстро проглотил не дожеванный апельсин, которым чуть не подавился. Закашлялся. Вадим налил в стакан минералки, подал ему.

– Вот видишь, ты чуть не подавился. А почему? Потому что поспешил. А я никогда не спешу. Ко всему подхожу вдумчиво, с расчетом.

Сурин сидел и моргал глазами.

– Так ты не ответил на мой вопрос, – требовательным голосом напомнил Вадим. Сурин заерзал на стуле под его пронизательным взглядом.

– Какой же дурак откажется от такого предложения. Только, если сказать честно, я себе не представляю, как это произойдет, – признался Сурин, мелкими глотками потягивая из стакана минералку.

Вадим не стал играть на терпении друга. Сказал:

– Дорогой мой, Валя. Это произойдет довольно просто. Но прежде тебе надо стать директором фирмы.

– Фирмы? – несколько растерянно спросил Сурин. Вадим утвердительно кивнул.

– Именно. Для начала ты регистрируешь фирму, скажем так, посредническую. Основной деятельностью, которой, будет строительство паркингов и подземных автостоянок для легковых автомобилей.

– Подожди, Вадим. Да ведь такие фирмы в Москве уже есть...

– А тебе плевать, что есть, – перебил Вадим Сурина. – Тебе и строить ничего не придется. Ты регистрируешься, снимешь приличное помещение. А потом обратишься к нам в банк с просьбой о предоставлении кредита на четыре миллиона долларов.

– На сколько? – Сурин выкатил глаза, отчего они сделались похожими на лягушачьи и привстал со стула.

– Сядь! – довольно резко произнес Щавелев и Сурин плюхнулся на стул. А банкир продолжил: – С кредитом я тебе помогу. Да и с документами тоже. Помогу подготовить необходимые документы для предоставления кредита. Комар носа не подточит. А как потом распорядиться деньжками, мы решим, – Вадим улыбнулся и подмигнул опешившему от услышанного Сурина. – Ну как тебе моя идея? – спросил он, увидев, что друган призадумался и молчит.

– Вадим, если честно, мне все это кажется утопией...

– Не понял, – Вадим перестал улыбаться и взглянул на Сурина исподлобья.

– Ну как мне дадут кредит на четыре миллиона да еще не рублей, а долларов? Я лично это себе не представляю, – засомневался приятель Сурина.

– А тебе и представлять ничего не надо. Как тебе его дадут, это уж моя забота. Твоя, его получить. Наличкой. Чтобы потом мы могли поделить эти деньги.

– Погоди, погоди. Ну, а подо что мне дадут такой кредит?

– Под проект. Кстати, он уже лежит у меня в кабинете. Чтобы разгрузить центр Москвы от автотранспорта, придется увеличить число автопаркингов. И ты предоставил нам в банк проект производства многоярусных подземных паркингов. На начальную стадию производства, тебе необходимо всего лишь четыре, – Вадим показал Сурина четыре пальца, – миллиона долларов. Поверь, это небольшая сумма для нашего банка. Тем более что деньги у нас сейчас есть. Ну, как тебе моя идея?

– Хорошо. Я получу эти деньги, а как быть дальше? Я ничего строить не собираюсь, – вполне определенно заявил Сурина.

Вадим улыбнулся.

– А ничего строить и не надо. Ты получишь деньги и через месяц закроешь фирму. Вот и все. Понимаешь, о чем я? Фирма, однодневка. Сегодня она есть, а завтра ее ищи, свищи.

– Да, но меня будут искать, – приуныл Сурина. Вадим налил рюмку коньяку, выпил, положив в рот дольку ананаса, сказал:

– А кто тебя заставляет регистрировать фирму на свою фамилию. Зарегистрируй ее на Иванова, Петрова, Сидорова. Пусть потом ищут людей с такой фамилией. Да и будут ли искать. Ведь мы все сделаем по уму.

Сурина призадумался.

– На чужую фамилию, безусловно, лучше и безопасней. Только где я раздобуду документы на Иванова или Петрова? – спросил он.

Вадим хмыкнул по поводу озадаченности друга.

– Знаешь, Валя, я думаю, за два миллиона долларов можно постараться, поискать. Так что, давай. И поторопись, потому что на регистрацию твоей фирмы уйдет месяца два. А время не ждет, тем более, пока у нас есть деньги. И вот еще что, штат особенно не раздувай. Так, человека пять и хватит. А это, – он достал из кармана пачку долларов, передал Сурина, – так сказать, твой начальный капитал. Тут десять тысяч. Расходы за регистрацию и на всякую дребедень. Бери. Потом отдашь, когда богатым станешь, – хохотнул он, сказав: – Об уставном капитале поговорим позднее.

Сурин спрятал деньги в карман. Отродясь не держал в руках такой суммы. Даже зависть взяла, как легко расстался с ними Вадим. Сразу видно, состоятельный человек, и деньги эти у него не последние.

В эту ночь он так и не заснул. Понимал, все, что предложил Вадим, рискованно. Но и сумма немаленькая. Ради двух миллионов можно рискнуть. А потом уехать из Москвы, куда-нибудь подальше. Прав Вадим, сейчас кругом такая неразбериха, что его особенно и искать не будут, если все сделать по уму. Зато он остаток жизни может прожить, как «белый» человек. И на хрен сдалась ему всякая работа вместе с копеечной пенсией. Единственная проблема, это раздобыть подлинные и вполне надежные документы, чтобы зарегистрировать фирму на другую фамилию. И тут Сурина помог случай. Возвращаясь, домой, возле Савеловского вокзала остановил рыжего мужика. Тот ехал на «Волге», «двадцать четверке».

– До Добрынинской подвезешь? – спросил Сурин, показав в руке двести рублей. Уговаривать водителя не пришлось.

Рыжий раздумывал недолго.

– Отвезу. Ты только скажи, как проехать? – проговорил хозяин старенькой «Волги», распахивая для Сурина дверь.

Сурин сел, слегка задумавшись. И когда машина тронулась, спросил:

– Так ты не местный что ли?

Рыжий улыбнулся.

– Из Тулы я. Сегодня только приехал в Москву.

Сурин понимающе кивнул.

– Сейчас все едут в Москву. Москва, город хлебосольный.

– Не в этом дело, – противоречиво заметил рыжий. – Сейчас и у нас, вроде, не голодно.

Сурин удивился.

– Тогда, чего ж тебя потянуло в белокаменную?

Рыжий ответил не сразу. Сначала помолчал, закурил, потом сказал:

– Понимаешь, нравится мне этот город. Мы с женой каждый год в отпуск приезжали сюда. Люди на курорты, на юг едут, а мы в Москву. Номер снимем в гостинице, и целый месяц живем тут.

– Впечатлений хотелось? – несколько неудачно пошутил Сурин. Но рыжий ничуть не осерчал, сказал:

– Вроде того. А, в общем-то, я и сам толком объяснить не могу, почему тянет меня сюда. А теперь, когда жены не стало, мне в тягость стала жизнь там. Тоскливо на душе. Вот и решил окончательно перебраться сюда. А чего мне? Много не надо. Я на пенсии. Куплю себе какую-нибудь квартирку...

– И можно считать, что мечта твоя осуществилась, – закончил за рыжего Сурин, показывая, где нужно повернуть, чтобы доехать до Добрынинской.

Рыжий утвердительно кивнул.

– Можно сказать и так. Осуществилась. Вот только жилье пока себе не подобрал. Сегодня по трем адресам проехал, а все бес толку.

– Бес толку, говоришь? – спросил Сурин призадумавшись, получив от рыжего в ответ кивок. Припомнил, когда работал в академии, у них была вахтерша, пре противнейшая старухенция. Но как-то раз она разговорилась с Суриным и пожаловалась, что никак не может продать квартиру, оставшуюся ей от покойного мужа.

– Вот что, – с ходу предложил Сурин рыжему, – сейчас мы остановимся, и я позвоню по одному адресочку. Может, тебе повезет с квартиркой. Район, правда, не престижный, и от метро далековато. Но у тебя ведь машина есть.

– Конечно, – кажется, рыжий не хотел верить, что вот так с ходу повезет.

Проезжая мимо кабины таксофона, Сурин попросил остановиться. Пошарил по карманам, в поисках записной книжки. Отыскав ее, показал рыжему.

– Ну что, пойду, попробую на удачу, – сказал он, вылезая из машины. В книжке у него был записан телефонный номер вахты, где работала старушенция, а ее фамилию и имя, он помнил хорошо. Набрал номер и услышал знакомый голос пре противнейшей старухи.

Через пару минут он вернулся к машине, возле которой его поджидал рыжий, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу и покуривая сигарету.

– Ну вот. Кажется, тебе повезло. Сегодня в шесть вечера поедem с тобой смотреть квартиру. В ней никто не живет, хозяин давно умер. И квартира перешла по наследству его жене. Старуха она, конечно, не подарок. Но ты с ней будь поласковой и я думаю штук за сорок пять зелени она тебе ее уступит. И будет у тебя своя однокомнатная квартира. А пока поехали ко мне. Часам к шести подскочим туда.

Рыжий как-то замялся, и Сурин спросил:

– Ты чего?

– Да я это... даже и не знаю. Удобно ли вот так, к тебе?

Сурин махнул рукой, чтобы рыжий не комплексовал.

– Не бери в голову. Одинокий я, как и ты. Жена ушла от меня. Давно. Теперь живу один. Поехали. Перекусим, а вечером смотаемся к этой старухе.

* * *

Вечером, как было договорено, они поехали на улицу Каляева, смотреть квартиру. Правда, Сурин с рыжим идти отказался.

– Ты иди один, а я подожду тебя тут в машине, если не возражаешь.

Рыжий не возражал. Солидный вид нового знакомого внушал ему доверие, и он даже не опасался, что Сурин может быть в сговоре с хозяйкой квартиры, и компаньоны его могут кинуть. Хотя для себя решил, что ни о каких задатках не может идти речи, если старуха будет настаивать. Но к счастью, обошлось без задатков. Часа через полтора, рыжий вернулся со счастливым лицом.

Сурин встретил его улыбкой. Хотя в душе и ощущал легкое беспокойство. Для себя уже решил, рыжий, это тот человек, который нужен ему. Он одинок. В Москве, всего ничего. Да и судя по его рассказу, в самой Туле родни у него не осталось. И вряд ли кто-то кинется его разыскивать, если вдруг рыжий пропадет. Исчезнет. Зато, завладев его документами, Сурин беспрепятственно может зарегистрировать фирму на его имя и фамилию, как говорил Вадим Щавелев. Поэтому, Сурин всячески желал рыжему успеха с приобретением этой квартиры, которая потом может стать его собственностью. Если повезет. В риэлторской компании, куда они обратились, обещали решить вопрос с оформлением бумаг в кратчайшие сроки. Но на деле, на оформление ушло не много не мало, целых полтора месяца. Все это время Молчанов жил в Туле, терпеливо ожидая вызова из Москвы. И вот, наконец, настал тот счастливый день.

Узнав, что вопрос окончательно решен и ему всего лишь осталось уплатить оговоренную сумму денег, Молчанов быстренько продал в Туле свой дом, благо покупатель на него имелся, и вернулся в Москву с необходимой суммой. Он еще не подозревал, что дни его буквально сочтены. И в купленной квартире он успел переночевать всего лишь несколько ночей, пока требовалось его присутствие при оформлении прописки. Соседи по подъезду даже не обратили внимания, что вместо рыжего мужчины, к ним заселился совершенно другой человек. Свою машину он оставлял недалеко от подъезда. Иногда его видели, как он быстро подходил к ней, садился за руль и уезжал. И ни с кем из жильцов подъезда он не

общался. Все общение сводилось к короткому приветствию, если он с кем-нибудь встречался на лестнице или возле подъезда.

Пару месяцев спустя, в кабинете Вадима Щавелева раздался звонок. Звонил Сурин. Из короткого рассказа управляющий банком понял, что, как и было условлено, Сурин зарегистрировал предприятие, назвав его «Орбита сервис». И вообще, он теперь не Сурин, а Молчанов Виктор Николаевич.

Слушая его, Вадим Щавелев улыбнулся.

– Я всегда верил в тебя, – сказал он не без гордости за друга. Встретиться договорились вечером. Щавелев предложил на его машине покататься по вечерней Москве.

– Ты ведь, кажется, уроженец Тулы. Надеюсь, тебе не безынтересно будет познакомиться с Москвой. Заодно и поговорим, – хохотнул Вадим.

На этот раз за рулем «Мерседеса» сидел он сам. Даже охраны не было.

– Не хочу лишних ушей, – сказал он по этому поводу, когда Сурин уселся на переднее сиденье, где обычно сидел здоровый охранник, готовый в любую минуту загородить шефа от пули своим громадным телом.

– У нас с тобой разговор сугубо конфиденциальный. О нем никто не должен узнать, потому что я рискую даже больше, чем ты, – сказал Щавелев.

– Никто и не узнает, – охотно пообещал Сурин. А Вадим удовлетворенно кивнул. Потом, обернувшись, дотянулся до заднего сиденья и подал Сурину толстую папку, набитую бумагами.

– Что это? – спросил Сурин, плохо понимая значения документов, лежащих в папке.

Вадим усмехнулся.

– Это проект развития твоего зарегистрированного предприятия. Ты же не глупый человек. Прекрасно понимаешь, что просто так банк не может выделить тебе кредит на такую большую сумму, даже под двести процентов годовых. Это, если хочешь, основание. Под каждым из документов поставишь свою подпись и печать. Потом привезешь документы в банк и передашь секретарю. Все, как положено. Нужно соблюсти формальность.

Вадим скучающим взглядом, как человек, у которого в жизни было все, поглядывал на припозднившихся прохожих, торопливо снующих по тротуару под дождем. Все они казались ему жалкими и ни на что не пригодными существами. Они винтики, в огромном механизме, управляют которым, такие как Вадим. Не менее скучающим взглядом он посмотрел и на Сурина, склонившегося над документами. Ни дать, ни взять, такой же винтик. И если он когда-нибудь и добьется успеха, то не за счет своего ума. В этом Вадим нисколько не сомневался, вглядываясь в седеющие волосы своего друга. В какой-то момент даже проникся к нему жалостью. Жизнь, в общем-то, безжалостная штука. Одним везет, другим, таким, как Сурин, нет.

– Послушай, Вадим, вся эта процедура с получением кредита... Это ведь, наверное, долго? – спросил Сурин. Щавелев заметил в его глазах некоторую обеспокоенность. Или сомнение. Сейчас это не имело значения. Главное, чтобы Сурин не струсил и не наделал глупостей. Поэтому Вадим поспешил успокоить друга.

– В течение двух недель, вопрос утрясется. Деньги в полном объеме перейдут на расчетный счет твоего предприятия. Так что можешь присылать своих людей, чтобы снять их с расчетного счета. Надеюсь, ты захочешь получить все сразу и наличкой? – улыбнулся Вадим.

– Ну разумеется, – несколько оживился Сурин. В его воображении вырисовывались яркие картинки дальнейшей беззаботной жизни, в которой Сурина, по большому счету, делать ничего не придется. Ему даже не надо менять свою фамилию. Будут искать, Молчанова, но не Сурина. Сурин в это время будет уже далеко. Недавно прочитал в одной из газет, заманчивое объявление о продаже собственности в Чехословакии. Совсем сбесились эти чехи. Оказывается, у них за тридцать тысяч долларов можно купить шикарный особ-

няк с рестораном. Адресок фирмы, занимающейся продажей собственности в Чехии, Сурин аккуратненько переписал себе в записную книжку. И решил, как только у него появятся обещанные Вадимом деньги, он, не откладывая, сразу же позвонит в эту фирму. А пока надо набраться терпения. Две недели, это не год. И даже не месяц.

* * *

Вадим позвонил, как и обещал.

– Ну что, Валентин, как видишь, я свое слово сдержал. Деньги на расчетном счете твоего предприятия. Советую, как можно быстрее снять их со счета. Когда планируешь, это сделать? – без нажима спросил он, но Сурин понял, что управляющему банком не терпится заполучить оговоренную сумму. И не стал его огорчать.

– А чего тянуть? После завтра часам к десяти подошло своего главбуха. Она и получит деньги, – сказал Сурин. В трубке воцарилось некоторое молчание, потом Щавелев спросил:

– У тебя как с охраной? Все-таки, сумма-то немаленькая. А время сейчас беспокойное.

– Только не для меня, – сказал Сурин, улыбнувшись. Хорошо, что Вадим не мог видеть этой наивной улыбки своего друга.

– Ну смотри. А то могу помочь с инкассаторами?

– Не стоит. Я воспользуюсь услугами охранного предприятия. Солидная фирма. В основном, в ней работают бывшие менты и фсбэшники. Уж на таких людей, думаю, можно положиться.

– Ладно. Тебе видней. Как получишь деньги, позвони, – сказал Щавелев, узнав название охранной фирмы и попрощавшись, отключил телефон.

При разговоре с Вадимом, Сурин выключил громкость в телевизоре, чтобы не мешал. Как раз транслировали матч, между «Спартак» и московским «Динамо». Игра обещала быть интересной. По крайней мере, до телефонного разговора с Вадимом, Сурин с интересом наблюдал за игрой. Но сейчас у него пропал всякий интерес. Несколько минут он вяло наблюдал за игрой спартаковцев, а потом и вовсе выключил телевизор. Не до него сейчас. Решил позвонить на домашний номер своему главному бухгалтеру. Женщина она старательная и очень ответственная. И это при том, что работает она недавно. Она пришла к нему из центра занятости, по направлению. Сурин уже хотел отказать ей в приеме на работу, все-таки, на должность главбуха лучше бы взять кого-нибудь постарше и поопытней, но потом подумал, что с опытным главбухом будет только больше хлопот. А эта молодая, еще малоопытная, зато красавица, каких свет не видел. Он бы и в постель не прочь затащить ее, но, как скоро выяснилось, красавица строго соблюдала верность мужу, напоминая этим Сурину, богобоязненную монашку.

Услышав в трубке, ее приятный голосок, Сурин сказал:

– Людмила Михайловна, – назвал он женщину по имени отчеству, другого обращения в разговорах с ней не допускал. В какой-то мере даже завидовал ее мужу. Иметь под боком такую хорошенькую жену, которая чтит закон супружеской верности, это ли не счастье. Интересно, понимает ли это ее муженек недотепа.

– Завтра подготовьте все необходимые документы на получение в банке четырех миллионов долларов...

Кажется, женщина некоторое время не могла придти в себя от услышанного. А возможно, посчитала, что ослышалась, переспросила:

– Извините, Виктор Николаевич, я, наверное, ослышалась по поводу суммы...

– Нет, вы не ослышались, – настойчиво проговорил Сурин, почувствовав, как смутилась женщина. В трубке повисло молчание. Не посвященная в тайные дела директора предприятия занимающегося посреднической деятельностью при строительстве автопаркингов,

она обмозговывала, как такое могло случиться, что им вдруг дали кредит на огромную сумму. Как человек, мало-мальски разбирающийся в кредитовании, она заподозрила неладное и вкрадчиво спросила:

– А вы разве не поедите со мной в банк?

– Не смогу, – тут же огорчил ее Сурин. – Даже не знаю, смогу ли завтра вообще выйти на работу. Приболел. А вы поезжайте. Надо побыстрее снять деньги с расчетного счета. Придется расплачиваться наличными со строительной организацией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.